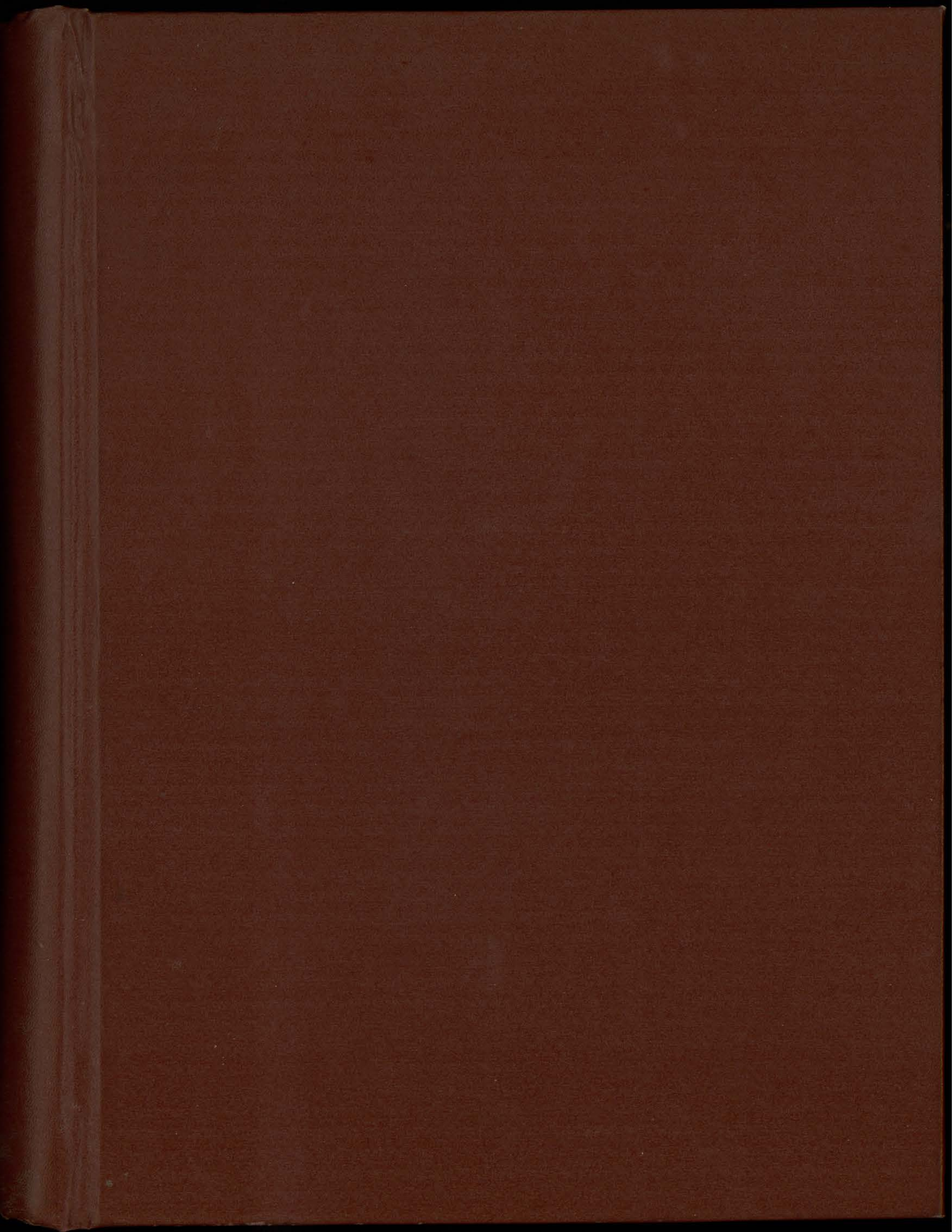
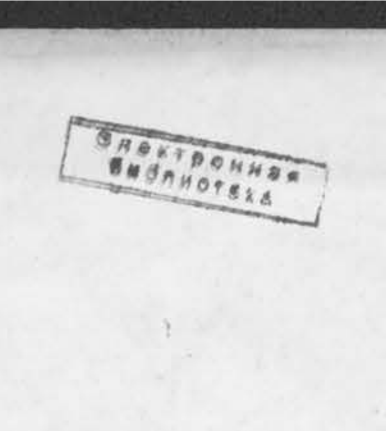
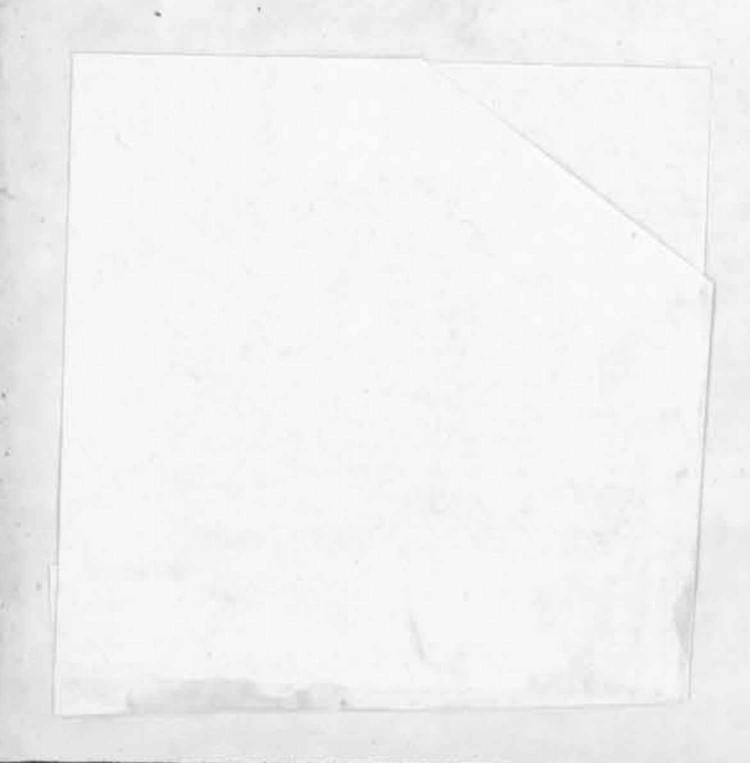

Электронная
библиотека

ИМЕЕТСЯ
МИ ФИЛЬМ

ЖИВОПИСНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.

1879.

(ГОДЪ СЕДЬМОЙ)

Цѣна въ бумажкѣ за годовое изданіе .... 6 руб.
» » коленкоровомъ переплетѣ .... 7 руб.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

(Вас. Остр., 9 лин., д. № 12.)

1879.

Оглавленіе II тома „ЖИВОПИСНАГО ОБОЗРѢНІЯ“ за 1879 годъ.

Поэмы, разсказы въ стихахъ, мелкія стихотворенія.

Прозаическіе романы, повѣсти и разсказы.

Статьи и замѣтки научнаго содержанія.

Къ рисункамъ.

Біографіи.

Правительственныя распоряженія и сообщенія.

Портреты.

Картины.

Смѣсь.

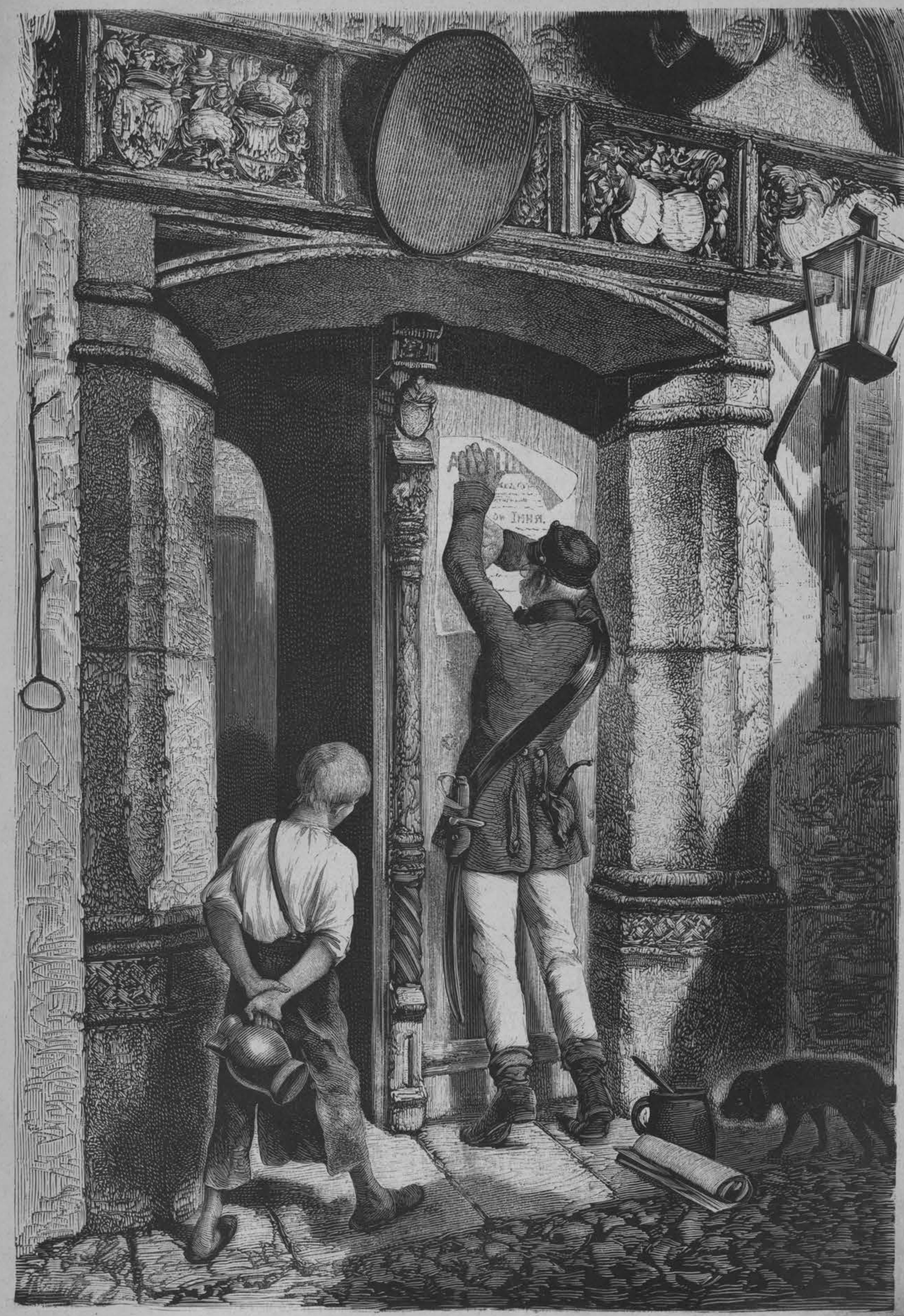
Шахматный отдѣлъ.

Приложенія.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 Декабря 1879 года.

Годъ VII. „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“. VII Годъ.

2-е полугодіе. **1879.** Полугодіе 2-е.

С.-Петербургъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
въ 1879 году.

Изданіе журнала „**ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“ съ прошлаго, 26 №, перешло къ нижеподписавшемуся. Кромѣ стремленія къ улучшенію изданія—что постоянно составляетъ задачу Редакціи журнала «Живописнаго Обозрѣнія»—никакихъ перемѣнъ, ни въ направленіи, ни въ способѣ веденія журнала не произойдетъ, потому что нижеподписавшійся вмѣстѣ съ А. К. Шеллеромъ (А. Михайловъ) въ послѣдніе два года принимали постоянное участіе въ Редакціи журнала и будутъ принимать его и впредь. Постоянные сотрудники, какъ въ художественномъ, такъ и въ литературномъ отдѣлѣ, останутся тѣ же, что были и до сихъ поръ.

Н. ШУЛЬГИНЪ.

Въ первыхъ 26 №№ «Живописнаго Обозрѣнія» за настоящій годъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія произведенія: 1) **Мужъ и жена**, романъ *А. Михайлова;* 2) **Козлы отпущенія**, повѣсть *Н. И. Северина;* 3) **Въ стоячей водѣ**, разсказъ *Н. Ф. Бажина;* 4) **Идолъ**, 5) **Отставная царица**, 6) **Членъ общества**,—очерки *А. Н. Соковнина;* 7) **Сестра милосердія**, романъ *Эдмона и Жюля Гонкуровъ*, въ переводѣ *Литнева;* 8) **Иза**, романъ *А. Бувье* (иллюстрированный); 9) **Въ Новой Гвинеѣ**, путешествіе *Люи Трегана* (иллюстрированное); 10) **Народы Россіи**, рядъ статей *С. С. Шашкова;* 11) **Изъ моихъ воспоминаній**, ст. *Фридриха Шпильгагена;* 12) **Миланскій соборъ**, ст. *Е. Л. Маркова;* 13) **Умны мы или не умны**, ст. *Н. В. Шелгунова;* 14) **При осадѣ Никшича**, ст. *д-ра В. А. Щербака;* 15) **Во время войны**, ст. *Г. К. Градовскаго.* Кромѣ поименованныхъ произведеній, помѣщены очерки и статьи: *Е. А. Сысоевой, Баранцевича, Толивѣрова, Невольскаго, П. Скромнаго, барона Боде, П. А. Каратыгина, П. В. Быкова, Е. Литвина, П. Библіофила, А. Комарова, П. В. Га—на, Джона Тиндаля, Фр. Гаррисона* (въ переводѣ *М. К. Цебриковой*), *Мангардта, Кат. Мендеса, Эркмана-Шатріана, Захеръ-Мазоха* и др.

Затѣмъ помѣщенъ рядъ стихотвореній: *Д. Д. Минаева, Омулевскаго, кн. Дм. Голицына, С. Андреевскаго, Я. А. Старостина, Б. Левина, А. Комарова, Вл. Юрьева, И. Д. Зубарева, Якубовича, Д. А. Рубина, Нико-Ники, М. Шелгунова, Е. Воронова, и А. М. Иванова* и пр.

Въ художественномъ отдѣлѣ Редакція «Живописнаго Обозрѣнія» старается знакомить своихъ читателей съ представителями различныхъ школъ и національностей, помѣщая преимущественно копіи картинъ, обратившихъ на себя вниманіе на выставкахъ. Достаточно упомянуть имена слѣдующихъ извѣстныхъ художниковъ и скульпторовъ, произведенія которыхъ воспроизведены въ гравюрахъ «Живописнаго Обозрѣнія»: *Мадрацо, Бида, Доре, Грюцнера, Макарта, Гуна, Ковернева, М. Боткина, А. Мещерскаго, Антокольскаго, В. Шварца, И. Крамскаго, Андріолли, Мейсонье, Л. Кнауса, Ковалевскаго, Жерома, Бродскаго, Матейки, Семирадскаго, Бугеро.* Изъ старинныхъ геніальныхъ мастеровъ помѣщены копіи съ картинъ *Гвидо Рени* и *Рубенса.*

Въ видѣ преміи розданы уже гг. подписчикамъ, уплатившимъ подписную сумму за годовое изданіе: 1) **Мадонна**, *Мурильо*, гравюра на стали; олеографіи: 2) **Графъ Кассельмонте** и 3) **Наказанное любопытство.**

Ежемѣсячными выпусками выдается гг. подписчикамъ безплатное приложеніе: **ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.**

Также безплатно выдается второе приложеніе: **ГИГІЕНА**, соч. д-ра медицины *Виля* и проф. *Гнема.*

Въ слѣдующихъ нумерахъ «Живописнаго Обозрѣнія», между прочимъ, будутъ напечатаны: 1) **Натанъ мудрый**, драма *Лессинга*, въ переводѣ *П. И. Вейнберга* (иллюстрированная); 2) Романъ г-жи Шварцъ, шведской писательницы; 3) Разсказы *Эркмана-Шатріана* (иллюстрированные); очерки *А. Н. Соковнина*; 5) Разсказъ *К. М. Станюковича* и др.

Въ свое время будетъ выдана гг. подписчикамъ на 1879 годъ **Литературная премія**, иллюстрированная гравюрами, напечатанными на веленевой бумагѣ, состоящая изъ комедіи 1) *Шекспира*—**Виндзорскія проказницы**, въ переводѣ *П. И. Вейнберга* и *Н. И. Шульгина*, и 2) Статьи *В. В. Чуйко*—**Фальстафъ.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовое изданіе „**Живописнаго Обозрѣнія**“ изъ 52 №№, съ безплатными приложеніями и правомъ на полученіе всѣхъ премій втеченіи 1879 года:

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	**6** р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ, а также для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою	**7** » — »
Заграницею	**8** » **50** »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: 1) Въ **С-Петербургѣ**, въ главной конторѣ редакціи журнала, *Новая улица, д. № 6.* 2) Въ **Москвѣ**, въ отдѣленіи конторы «Живописнаго Обозрѣнія» въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, *на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева.*

№ 27. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 7 Іюля 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Взаимное обращеніе.

Разсказъ въ стихахъ **А. Додэ.** Пер. **А. Вигилянскаго.**

I.

Однажды въ праздникъ вечеркомъ
Въ зеленомъ скверѣ городскомъ
(Въ углу налѣво есть скамейка...)
Влюбились сразу горячо,
Метнувши взглядъ черезъ плечо,
Андрей, почти дитя еще,
И Сара, юная еврейка.

Евреечка во цвѣтѣ лѣтъ —
Ей стоитъ посвятить куплетъ.
Прелестны темныя рѣсницы,
Что оттѣняютъ цвѣтъ лица,
И косъ тяжелыхъ два конца,
Которымъ приданъ видъ вѣнца,
И будто помощью рѣзца
Изваянная грудь дѣвицы,
И эти ножки въ башмачкахъ...
Ну, словомъ, всѣ ея детали
Восторженность души питали
И въ юношахъ, и въ старичкахъ.

И вотъ романъ былъ начатъ.
Что первое свиданье значитъ —
Вы сами знаете. И такъ,
Разсказъ мой васъ не озадачитъ.
Всегда влюбленный, какъ дуракъ,
Ведетъ себя, но восхищаетъ
Сосѣдку, алую, какъ макъ.
Вздохнетъ она—и онъ вздыхаетъ.
— «Какъ ваше имя?»—Ваше какъ?
— «Меня зовутъ Андрей».—Я Сара.
И снова умолкаетъ пара.
И каждый ищетъ, что сказать,
Предпочитая отвѣчать.
(Въ началѣ всякаго обѣда,
При первомъ стуканьѣ ножа,
Еще невяжется бесѣда...)
Влюбленные, чуть чуть дрожа,
Бросали взгляды глазъ лучистыхъ —
Забава душъ невинно-чистыхъ!
Хотя они молчали, но
Уже запало въ нихъ зерно
Любви серьезной и огромной...

Тѣмъ временемъ, не вдалекѣ
Отъ парочки, сидѣвшей скромно,
Играла музыка—такъ томно,
Такъ нѣжно, точно былъ въ тоскѣ
Самъ капельмейстеръ или точно
Онъ эти ноты взялъ нарочно
Для нѣжной парочки... А тамъ,
По деревцамъ и по кустамъ,
Концертъ давали всѣ маэстро
Другого, птичьяго оркестра:
Удобство лѣтняго семестра.

Гуляли по дорожкамъ всѣмъ
Толпы воскреснаго народа,
Впередъ, назадъ (чѣмъ не свобода?)
Швеи изъ магазина «Мода»;
Торговцы; вѣрнаго дохода
Владѣльцы, съ надписью «сплю-ѣмъ»;
Счастливыхъ маменекъ порода;
Фланеры всяческаго рода
И дѣвы всяческихъ системъ.
О, видъ! Я предъ тобою нѣмъ.
Ну, чѣмъ ты не отраденъ, чѣмъ?

Но на скамейкѣ, между тѣмъ,
Про это все забыли двое...
Вечерній воздухъ посвѣжѣлъ,
Оркестръ въ послѣдней страсти млѣлъ...
И не сидѣлось имъ въ покоѣ,
И что-то чудилось такое,
И — пуританинъ, негодуй! —
Не разъ былъ слышенъ поцѣлуй.

II.

Часы свиданья мчатся ланью.
Едва оглянешься, ужь бьетъ
Часъ разставанія—и вотъ:
На долго-ли? вопросъ встаетъ.
— «Прощай, мой милый».—До свиданья.—
И — этотъ тамъ, а эта тутъ—
Къ себѣ домой герои наши
Въ кварталы разные идутъ,
Къ своимъ папашѣ и мамашѣ.
Андрей, дошедши до угла,
Взглянулъ туда, куда ушла
Его любезная, но мгла
Непроницаема была.
Домой онъ, съ гирею свинцовой
Въ груди, вернулся весь пунцовый.

Отецъ сидѣлъ ужъ у стола,
Когда—дотолѣ образцовый—
Явился сынъ. «Андрей, садись!»
Андрей присѣлъ. «Теперь винись:
«Гдѣ пропадалъ?» Андрей раскисъ.
«Какимъ ты дѣлаешься сквернымъ!»
Андрей вдругъ поблѣднѣлъ. Свой стулъ
Порывисто онъ оттолкнулъ
И, чтобъ не объяснять прогулъ,
Сказавши, что въ ушахъ все гулъ
Онъ слышитъ,—голосомъ невѣрнымъ
Спокойной ночи пожелалъ,
Пошелъ и раздѣваться сталъ.
«Эге, тутъ пахнетъ новизною!»
Сказалъ задумчиво отецъ,
Качая головой съ тоскою,
И отодвинулъ супъ рукою:
Теперь лишился онъ въ конецъ
И аппетиту, и покою.

Отецъ Андрея—молодецъ
Шестидесяти лѣтъ, но бравый
И крѣпкій, полный свѣжихъ силъ,—
Почти всѣ зубы сохранилъ,
Былъ въ обращеньи простъ и милъ,
Ну, словомъ, не былъ изъ оравы
Тѣхъ старцевъ, коихъ видъ унылъ,
Которымъ молодости пылъ
Всегда не симпатиченъ былъ.
Въ жандармахъ прежде онъ служилъ.
Оставшись воиномъ заштатнымъ,
Онъ отличался ростомъ статнымъ,
Лицомъ внушительно-пріятнымъ
И выправкой,—вотъ почему
Судьбой повелѣно ему
Швейцаромъ сдѣлаться въ дому.
На этомъ мѣстѣ, аккуратнымъ
И скромнымъ, жилъ себѣ старикъ.
Камзолъ его былъ раззолоченъ,
Покрой штановъ удобенъ очень,
Штиблеты бѣлы... Онъ привыкъ,
Ничѣмъ дурнымъ не озабоченъ,
Внушать почтеніе сынку
И своему духовнику.
Ну, вообще, былъ въ счастьѣ проченъ.
И вдругъ сегодня—грянулъ громъ—
Швейцаръ нашъ видитъ, что съ сынкомъ
Не ладно что-то, что кручина
Его терзаетъ... Вотъ причина,
Что овладѣла старикомъ
Сомнѣній тягостныхъ пучина.
И вотъ онъ всталъ, чтобъ поскорѣй
Узнать, что дѣлаетъ Андрей,
И началъ слушать у дверей.
(Отцы нѣжнѣе матерей
Бываютъ и нѣжнѣе бабокъ).
И слышитъ онъ, что сынъ безъ сна
Ворочается съ боку на бокъ.
Программа дѣйствія ясна:
Старикъ тихонько въ двери спальной
Идетъ и съ миною печальной
Садится къ сыну, говоритъ:
«Другъ, что съ тобой?» Андрей молчитъ.
«Скажи, что у тебя болитъ?»
«Ты простудился? Ты прибитъ?»
Андрей, замѣтивъ, какъ ужасно
Его отецъ испуганъ,—вдругъ,
Ломая нервно пальцы рукъ,

Воскликнулъ: «Я влюбился страстно!»
И вотъ, дѣйствительно, испугъ
Исчезъ: отецъ увидѣлъ ясно,
Что растревожился напрасно.
Но надо-ли ему начать
Смѣяться или же кричать?
Онъ, къ счастью, предпочелъ молчать.
А между тѣмъ Андрей влюбленный
Болталъ о Сарѣ оживленно.
Онъ говорилъ, что годы ихъ
Какъ разъ такіе, чтобъ жениться;
Что будто въ случаяхъ такихъ
Благоразумно торопиться...
И что, конечно, никогда
Онъ не далъ бы себѣ труда
Увлечься страстью эфемерной,
И мимолетной, и невѣрной;
За то онъ убѣжденъ—о да!
Что «эта» страсть—въ немъ навсегда
И что ни люди, ни года
Не замѣтутъ ея слѣда...
Рѣчь продолжая, какъ въ угарѣ,
Все больше вдохновлялся онъ:
Мольбы и крики, плачъ и стонъ—
Все слышалось. Онъ былъ въ ударѣ,
Благодаря, конечно, Сарѣ.
Въ концѣ концовъ, былъ пораженъ
Его отецъ такимъ напоромъ
Горячихъ чувствъ, блестящихъ фразъ,
И положилъ въ рѣшеньи скоромъ:
«Я завтра утромъ въ ранній часъ
«Пойду, взявъ адресъ про запасъ,
«Къ ея родителямъ—и васъ,
«Пожалуй, скрутимъ, въ тотъ же разъ.
«Пускай меня тамъ ждетъ отказъ —
«Покончить надо съ этимъ вздоромъ!»
Рѣшивши, какъ имъ поступать,
Они могли спокойно спать.

III.

Программѣ слѣдуя послѣдней,
Старикъ-швейцаръ, передъ обѣдней,
Одѣлъ тончайшія изъ брюкъ,
Штиблеты бѣлизны отмѣнной,
Жилетъ съ цѣпочкой очень цѣнной
И весь съ нашивками сюртукъ,
Въ такой одеждѣ чрезвычайной
Онъ сдѣлалъ преизрядный крюкъ
И отыскалъ, почти случайно,
Тотъ замѣчательный кварталъ,
Въ которомъ мирно обиталъ
Его сынишки идеалъ.

Хотя часы не много били,
Весь людъ поднялся трудовой.
Парижъ нарядъ обчистилъ свой,
Всю грязь спровадивъ съ мостовой.
Торговцы лавочки открыли,
Бранились дворники кругомъ,
Мальчишки бѣгали бѣгомъ,
Ползли фіакры, мчались дроги...
Собачій лай... колесный громъ...
Тутъ нашъ швейцаръ, среди дороги
Шагая съ пожиманьемъ плечъ,
Не зналъ, кого-бы подстеречь
И обратить къ кому-бы рѣчь.
Онъ видѣлъ возлѣ синагоги
Жидовку. Взглядъ ея былъ злой,
Носъ крюкомъ, два торчащихъ уха
И длинные клыки... Старуха
Ступени чистила метлой,
Едва сметая грязи слой.
Швейцаръ почтенный по привычкѣ
Отъ этой фуріи сперва
Отворотился: къ еретичкѣ
Была въ немъ ненависть жива.
Но вѣдь нужда всему глава—
И онъ рѣшилъ: все трынъ-трава,
И твердо сдѣлавъ шага два,
Къ жидовкѣ обратилъ слова.

Вообразите, каково же
Его презрѣнье и каковъ
Испугъ, когда изъ многихъ словъ
Становится на то похоже,
Что «нарѣченная»—О, Боже!—
Согласно признакамъ, точь въ точь,—
Жидовки-сторожихи дочь!
Не въ силахъ гнѣва превозмочь,
Онъ крикнулъ: «Прочь отсюда, прочь!
«Чортъ васъ возьми, вы слишкомъ ловки,
«Въ семью я не введу жидовки!»
Старуха злилась и сама,
Крича: «Не приложу ума,
«Къ чему вся эта кутерьма?
«Нахалъ мнѣ этотъ очень страненъ!»
Тогда, обидой въ сердце раненъ,
Старикъ сказалъ: «Я—христіанинъ.
«Скорѣй бы я издохъ, какъ песъ,
«Чѣмъ хладнокровно перенесъ,
«Чтобъ мой очагъ былъ опоганенъ.
«Я глупость сына укрощу,
«А женится—такъ не прощу
«И въ домъ невѣстку не пущу!»
—Пустить къ вамъ Сару! мы не дуры.
—«Довольно. Помните о томъ,
«Что еслибъ Сара подъ окномъ
«Андрею стала строить куры,
«Стремясь его вовлечь въ амуры,
«Тогда ее—клянусь крестомъ!—
«Я познакомилъ бы съ хлыстомъ,
«Чтобъ прекратить всѣ шуры-муры».
—Отсохни правая рука,
Когда, узнавъ на тротуарѣ
Андрея, вашего сынка,
Я не задамъ ему пинка!—
Какъ видно, о влюбленной парѣ
Серьезный диспутъ былъ въ разгарѣ.

Ужь къ синагогѣ, у воротъ,
Сбирался поглазѣть народъ,
Когда, скрививши нервно ротъ,
Швейцаръ нашъ сдѣлалъ поворотъ,
Чтобъ уходить,—и очень кстати:
Старуха въ случаѣ невзгодъ
Пускать клыки любила въ ходъ
И оставлять на цѣлый годъ
Когтей кровавыя печати.
И такъ, былъ диспуту конецъ.
Разсерженный швейцаръ-отецъ,
Старуха съ выраженьемъ гнѣвнымъ
И любопытные толпой—
Всѣ разбрелись своей тропой
Къ святымъ занятіямъ вседневнымъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Милые бездѣльники.

Очерки **А. Н. Соковнина.**

IV.

Барышни.

Съ семействомъ Олениныхъ я познакомился давно и чисто случайно: мнѣ нужна была комната и эта комната нашлась у нихъ.

— Это у насъ лишняя комната, говорила мнѣ хозяйка квартиры, вводя меня въ отдаваемое въ наемъ помѣщеніе.—По правдѣ сказать, намъ не хотѣлось бы отдавать ее, Богъ знаетъ, на кого попадешь; но, что же дѣлать, маленькія квартиры плохи, безъ всякихъ удобствъ. Впрочемъ, вы, кажется, человѣкъ скромный, я ужь это по первому взгляду вижу, и потому васъ я готова впустить. У насъ, вѣдь, знаете, барышни, тоже перваго встрѣчнаго нельзя впустить.

Мы поговорили о цѣнѣ и я переѣхалъ. Комната моя была большая, свѣтлая и я былъ доволенъ. Я переѣхалъ въ суботу и, уставъ отъ поисковъ за комнатой, проспалъ до одиннадцати часовъ утра. Я, можетъ быть, спалъ бы и еще дольше, если бы меня не разбудили звуки фортепьяно и пѣніе. За стѣной пѣли:

Что такъ грустно глядишь на дорогу,
Въ сторонѣ отъ веселыхъ подругъ...

Молодой женскій голосъ фальшивилъ на каждой нотѣ, а музыка на разстроенномъ дрянномъ фортепьяно была еще хуже пѣнія. Куплеты поющей пѣсни еще не успѣли кончиться, какъ я услыхалъ начало романса:

Милый другъ, помолись за меня!

— Пусти, ты опять врешь! остановилъ пѣвицу другой женскій голосъ.

— Ну да, ты лучше споешь! отозвалась пѣвица, прекращая пѣніе, но продолжая музыку.

— Сыграй «Вотъ ѣдетъ тройка...»

Раздались фальшивые звуки новаго романса и другой женскій голосъ запѣлъ новую пѣсню, перевирая и ноты, и слова.

— Ну, и наврала, и наврала! говорила играющая женщина.

— А ты сама сфальшивила! отозвалась поющая женщина.

— Ужь лучше не пой! Я вотъ вальсъ сейчасъ сыграю!

Начался вальсъ, подъ который, конечно, не могъ бы танцовать никто. Я услышалъ въ то же время женскіе шаги по комнатѣ и пѣніе вполголоса романса «Не пой, красавица, при мнѣ».

— Ты сегодня, Маша, голубое платье въ клубъ надѣнешь? спросилъ третій женскій голосъ, въ которомъ я узналъ голосъ хозяйки.

— Нѣтъ, въ бѣломъ поѣду, отозвалась игравшая женщина и вмѣсто вальса начала наигрывать галопъ.

Барышня, распѣвавшая, ходя по комнатѣ, уже пѣла: "Не уѣзжай, голубчикъ мой!»

Я поднялся съ постели, позвалъ прислугу, чтобы она подавала самоваръ, одѣлся, умылся, сѣлъ пить чай, а музыка все продолжалась, пѣніе все не смолкало. Это начало разстраивать мои нервы. Прошло съ часъ, я рѣшился выйдти и немного пройдтись. Погулялъ, зашелъ къ одному изъ товарищей, пообѣдалъ, возвращаюсь домой, а музыка и пѣніе все продолжаются и все также безпорядочно, также безъ такту, безъ смысла, фальшиво, также прерываютъ ихъ вопросы и разговоры:

— Маша, ты кушакъ голубой надѣнешь?
— Нѣтъ, вся въ бѣломъ буду.
— А я вся въ черномъ съ пунсовыми розами.
— Право, Катя; тебѣ не идутъ пунсовые розы.
— Это ужь мое дѣло.

И опять слышится: «Не уѣзжай, голубчикъ мой», «Ты скоро меня позабудешь», «Мы двѣ дѣвицы». Да будетъ-ли этому когда-нибудь конецъ, вѣдь этакъ съума сойдти можно!

Но вотъ раздается звонокъ, отворяются входныя двери, кто-то входитъ въ переднюю, раздѣвается, идетъ въ залъ.

— Варя, Варя! Вотъ мило, вотъ не ждали! кричатъ барышни, переставая играть и пѣть.

Слышатся поцѣлуи и звонкіе, звонкіе голоса:

— Ну, какъ живете?
— Отлично, отлично!
— Не скучаете?
— У насъ офицеры бываютъ!
— Въ клубы ѣздите?
— Каждый день почти!
— Счастливицы!
— А ты? Душка, разсказывай!

— Пріѣхала на всю зиму къ тетѣ! Отпускать не хотѣли, а я взяла да и уѣхала. Еще бы! У насъ въ Захудаловомъ ни одного мужчины нѣтъ, все купцы да гарнизонные офицеры. Одинъ гвардеецъ на двадцать восемь дней въ отпускъ пріѣхалъ и тотъ чѣмъ-то такимъ боленъ, все больше

сидитъ

въ меланхоліи находился; «я, говоритъ, теперь трупъ и все изъ-за женщинъ!» А какой душка, самъ блѣдный, исхудалый, ходитъ, опираясь на палку, и вздыхаетъ! Ну, а вы,—сдѣлали себѣ наряды для баловъ?

— Какъ же, какъ же! Дѣлали, всего нашили! Нѣтъ, а ты вотъ скажи Катѣ: вѣдь ей не идутъ пунсовыя розы? Правда? А?

— Душка, душка, тебѣ нужно изъ васильковъ сдѣлать вѣнокъ!

— Что это у васъ всегда такой гамъ? спросилъ я ее, не отвѣчая на ея вопросъ.

— Какой гамъ? спросила она.

— Да вотъ это пѣніе, эта музыка, отвѣтилъ я.

— Это барышни! Извѣстно, чтожь имъ больше дѣлать, отвѣтила она. — Вотъ вечеромъ притихнутъ, въ клубъ поѣдутъ.

И точно, въ восемь часовъ вечера въ квартирѣ воцарилась мертвая тишина: и барышни, и хозяйка квартиры, и ея мужъ уѣхали въ клубъ.

— Аннушка! крикнулъ я служанкѣ.

Отвѣта не послѣдовало. Я крикнулъ еще — опять нѣтъ отвѣта. Я рѣшился пройдти въ кухню; въ кухнѣ ни души. Походилъ я по пустой квартирѣ съ полчаса, вернулся въ свою комнату, пообождалъ немного и снова вошелъ въ кухню. Аннушка уже вернулась.

— А я васъ звалъ, звалъ, сказалъ я. — Куда вы пропадали!

— На лѣстницѣ съ товарками сидѣла, отвѣтила она. — Извѣстно, господъ нѣтъ, дѣлать нечего дома.

Она была какъ-будто смущена. Я взглянулъ на нее и увидалъ, что она старается заслонить солдатскій киверъ.

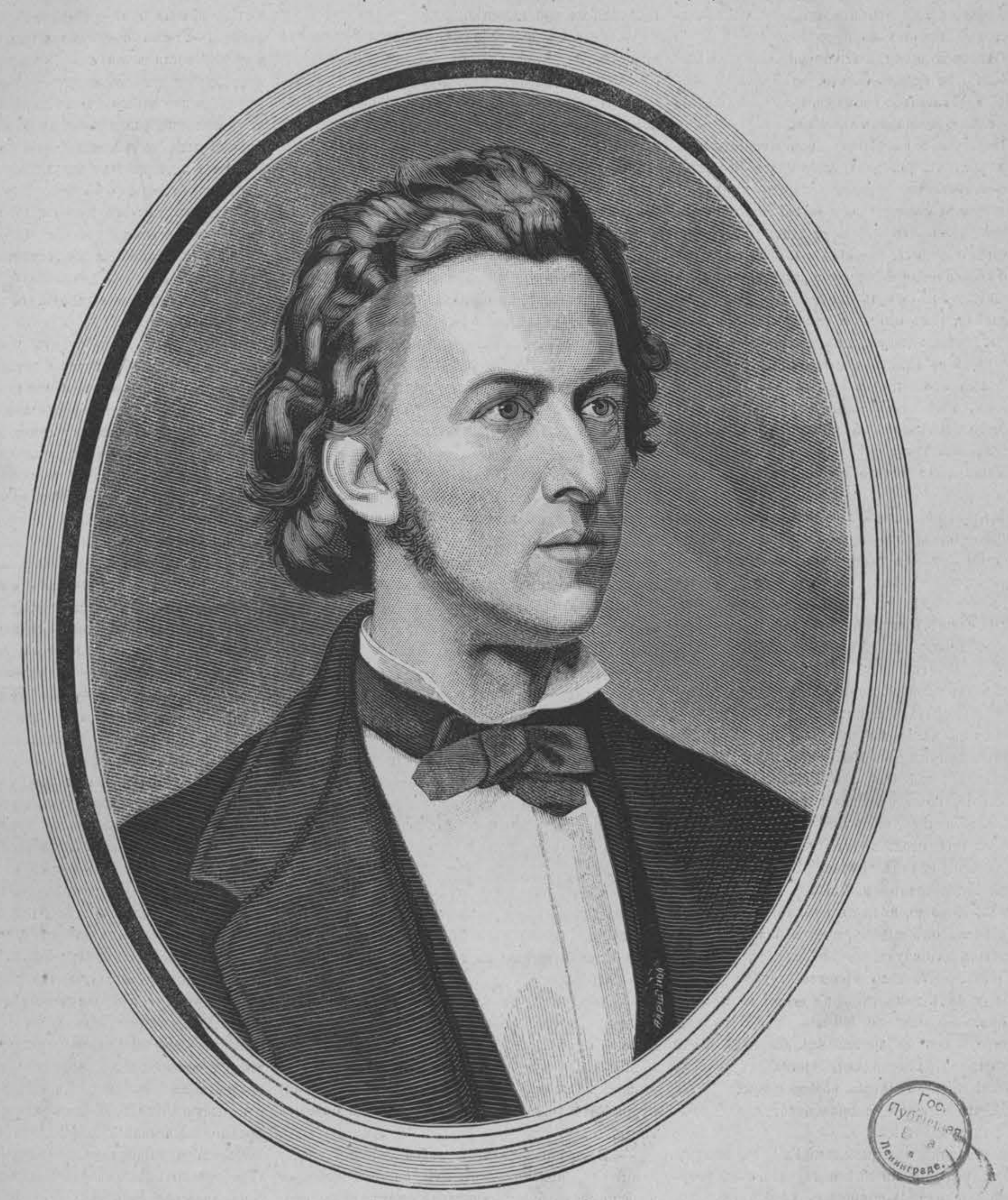
— Что это у васъ гости? спросилъ я, улыбаясь.

Она потупилась и пробормотала:

— Знакомый-съ...

— Поставьте самоваръ! сказалъ я съ невольнымъ смѣхомъ.

ПОРТРЕТЫ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

Фридрихъ Шопенъ.

— А я вотъ хочу пунсовыя розы надѣвать и надѣваю.

— Нѣтъ, а ты слышала новый вальсъ?

— Какой?

— А вотъ я тебѣ сыграю!

И опять началась музыка, прерываемая разговорами, началось пѣніе, обрываемое на полусловѣ восклицаніями, хохотомъ и поцѣлуями.

— Чай будете еще пить? спросила меня вошедшая служанка.—Или кофе заварить?

— Слушаю-съ!..

Черезъ четверть часа самоваръ былъ поданъ.

— Вы не говорите-съ хозяевамъ-то, застѣнчиво сказала она.

— Чего? спросилъ я.

— Да вотъ что у меня гости-съ, пояснила Аннушка и лукаво улыбнулась.—Извѣстно-съ, дома никого нѣтъ, ну, и скучно одной-съ...

— Э, полноте, мнѣ-то что за-дѣло! сказалъ я.

— Тоже знаете, они все въ клубъ да въ клубъ,

ажно страшно всю ночь одной въ этакой квартирѣ... Вы не подумайте чего, онъ вѣдь на мнѣ жениться хочетъ!..

— Ну, и помогай вамъ Богъ! проговорилъ я, смѣясь.

И пошла моя жизнь по новому въ этомъ новомъ помѣщеніи. Утромъ я выходилъ изъ себя отъ звуковъ музыки и пѣнія, вечеромъ я оставался въ гробовой тишинѣ, боясь войдти въ кухню, чтобы не помѣшать tête à tête Аннушки и ея тѣлохранителя. Мало-по-малу, Аннушка начала цѣнить мою скромность и понемногу посвятила меня въ тайны моихъ квартирохозяевъ.

— Самого-то вы видѣли? спрашивала она меня.

— Нѣтъ, не видалъ самого, отвѣчалъ я, такъ какъ я дѣйствительно еще не имѣлъ удовольствія видѣть самого господина Оленина.

— Надворный совѣтникъ, а по виду слонъ, какъ есть слонъ, говорила Аннушка.—Большенный, ноги, что твои бревна, толщина во какая, лапища, какъ у медвѣдя, ходитъ, точно ступа двигается, самъ сгорбится, пыхтитъ и таково грозно это смотритъ, что, ахъ ты, свѣты мои батюшки! А ничего-съ, онъ у насъ добрый, мухи не обидитъ! Ужь очень на него насѣли! Ахъ, какъ насѣли, такъ это я и сказать не могу. И точно, шутка-ли: жена, двѣ великовозрастныя дочери, сынъ въ гимназіи, дочь одна въ институтѣ, всѣмъ это вынь да положь — и на ѣду, и на наряды, и на клубы, и на театры! Дѣлать никто ничего не дѣлаетъ, а всѣмъ ѣсть надо! Ну, и присмирѣешь тутъ!

— Такъ-таки ничего и не дѣлаютъ? спросилъ я.

— Ни, ни, ни! замотала отрицательно головой Аннушка.—Какъ есть барышни самого деликатнаго сорта! Первое—танцуютъ хорошо, второе—поютъ, третье — музыкѣ обучены, — ну, гдѣ же имъ что-нибудь дѣлать? Ну, это поиграютъ, попоютъ, попляшутъ, глядишь — день и прошелъ! Жениховъ ловятъ. А гдѣ нонѣча женихи-то такіе, чтобы безъ денегъ взяли?

— А вонъ твой-то женихъ хочетъ тебя взять безъ денегъ, сказалъ я, смѣясь.

— Ахъ-съ, какіе вы шутники, право-съ! застыдилась Аннушка. — Мы слюбившись! Барышнямъ такъ гдѣ же! Онѣ это сейчасъ: «сдѣлайте предложеніе, какъ папаша и мамаша». А мы... Господь его знаетъ, какъ онъ и навязался мнѣ... Сустрѣлся мнѣ, сталъ ходить, тары да бары, хорошіе товары, почемъ табачекъ... Все дѣло житейкое... Ну, а теперь и близокъ локоть да не укусишь... Хорошо, коли не обманетъ... Изъ себя то ужь очень онъ видѣнъ, вотъ и боязно...

Аннушка вздохнула.

— Нѣтъ, наше дѣло простое, глупое, а они господа, у нихъ тамъ такъ не водится! продолжала она. — У нихъ все по закону... Вотъ еще поглядите, какъ соберется ихъ бамондъ, то-то пойдетъ гонка за женихами. На глазахъ у всѣхъ гоняются! Вотъ дождитесь понедѣльника.

— А что въ понедѣльникъ будетъ?

— Сами увидите!

Понедѣльникъ приближался. Уже въ воскресенье, въ полдень, ко мнѣ постучалась въ дверь госпожа Оленина. Я попросилъ ее войдти.

— Ну, какъ вы довольны квартирой? спросила она, здороваясь со мною.

— Ничего, доволенъ, отвѣтилъ я.

— Да, у насъ тихо, чинно, сказала она. — Мы не хотѣли, конечно, отдавать комнаты, только намъ велика квартира, эта комната лишняя. Конечно, два раза въ мѣсяцъ и она намъ нужна, но вѣдь только два раза въ мѣсяцъ. У насъ, знаете, журфиксы два раза въ мѣсяцъ, въ понедѣльникъ черезъ двѣ недѣли...

Она замялась.

— Мнѣ такъ досадно, что я этого не сказала вамъ раньше, продолжала она черезъ минуту. — Можетъ быть, это васъ стѣснитъ.

— Отчего же? спросилъ я.

— Да видите-ли, въ эти дни намъ эта комната необходима, сказала она. — У насъ курительной комнаты нѣтъ, ну, тоже и для игорныхъ столовъ... Мнѣ, право, такъ совѣстно, что я васъ хочу просить на эти вечера... только два раза въ мѣсяцъ... позволить намъ занимать вашу комнату... Но, я надѣюсь, что вы примете наше приглашеніе и будете въ числѣ гостей...

Я былъ смущенъ этой неожиданностью и благодарилъ за приглашеніе.

— Такъ вы будете нашимъ гостемъ? спросила она.

— Сочту долгомъ, отвѣтилъ я.

— Ну да, я очень рада, сказала она.—Въ такомъ случаѣ вамъ будетъ все-равно, если гости наши будутъ и у васъ... У насъ, я вамъ должна сказать, бываетъ избранное общество... Бываетъ гвардейскій капитанъ баронъ фонъ-Ладенсбургъ, онъ племянникъ жены сенатора Плугова; одного родственника Штиглица увидите; потомъ, можетъ быть, завтра пріѣдетъ одинъ изъ друзей Сѣрова... Вообще, мы придерживаемся правила имѣть немногихъ, но избранныхъ знакомыхъ... Въ Петербургѣ нужно быть осмотрительными въ выборѣ знакомствъ... Впрочемъ, я заговорилась, а еще надо похлопотать по хозяйству...

Мы простились. Минутъ черезъ десять ко мнѣ влетѣла снова хозяйка въ сопровожденіи Аннушки, тащившей ломберный столъ.

— Вотъ сюда поставь, сюда! говорила хозяйка ей и тотчасъ же обратилась ко мнѣ: — Надо, знаете, все пораньше расставить, приготовить, а то завтра и такъ хлопотъ будетъ по горло!

Прошло еще нѣсколько минутъ и ко мнѣ принесли еще ломберный столъ, но за то отъ меня потащили этажерку съ моими книгами.

— Это мы поставимъ въ темную комнату, на завтра, а то она мѣшать будетъ, говорила мнѣ хозяйка. — Ахъ, только ты, Аннушка, одна не стащишь! Дай я помогу!

Она стала помогать, но дѣло не спорилось. Пришлось снять книги и перенести ихъ потомъ въ темную комнату. Волей-неволей пришлось помогать и мнѣ. Когда я вошелъ съ грудой книгъ въ темную комнату, я едва не полетѣлъ. Эта комната вся была загромождена старыми столиками, какими-то картонками, желѣзными кроватями, посудными шкапами и разнымъ хламомъ.

— Мы это, знаете, все убираемъ, поясняла хозяйка,—чтобы просторнѣе было въ комнатахъ. Въ хозяйствѣ, въ будничной жизни, конечно, все это нужно, а когда гости — это стѣсняетъ. Вы у насъ не были еще въ комнатахъ?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какой же вы бирюкъ и отшельникъ! Пойдемте, я васъ познакомлю съ моими барышнями.

Мы пошли и я былъ представленъ двумъ барышнямъ Олениным, черноволосой Машѣ и бѣлокурой Катѣ. Обѣ были прехорошенькія и совсѣмъ юныя.

— Вотъ нашъ залъ, а здѣсь спальня моихъ барышень, поясняла мнѣ хозяйка. — Теперь въ этой комнатѣ будетъ гостиная, такъ какъ кровати мы вынесли на завтра. А тамъ моя съ мужемъ спальня и для Феди нашего кушетка. Ему еще двѣнадцать лѣтъ тринадцатый, такъ онъ съ нами спитъ. А вотъ тутъ столовая у насъ. Посудный шкапъ вынесли, а то тѣсно. Диванъ тоже тутъ стоялъ для бабушки, ну, и его убрали, потому что бабушка гоститъ теперь у нашей родственницы.

— А вы танцуете? вдругъ спросила меня одна изъ барышень.

— Нѣтъ.

— Ахъ, вы, вѣроятно, нигилистъ! заключила другая барышня, сдѣлавъ презрительную гримасу. —Вотъ какъ у Тургенева нынче въ романѣ описано про Базарова.

— Катя! укоризненно замѣтила мать.

— Чтожь, мнѣ Воронинъ говорилъ, что всѣ писатели нигилисты, потому что въ писатели только тѣ и идутъ, которые ничего не признаютъ, пояснила задорнымъ тономъ дѣвушка.

— То есть чего же они не признаютъ? спросилъ я.

— Да такъ, ни по военной, ни по статской служить не хотятъ и никакихъ чиновъ не имѣютъ! отвѣтила она. — Впрочемъ, для танцевъ и ловкость нужна, продолжала она, бросая уничтожающій взглядъ на меня, — а у кого ея нѣтъ, тому лучше и не танцовать.

— Да это и во всякомъ дѣлѣ такъ, отвѣтилъ я, умышленно впадая въ задорный тонъ барышни.—Поешь, какъ козелъ,—не пой; играешь на фортепьяно, какъ на балалайкѣ,—не играй! А то пугаломъ будешь!

Барышня какъ-то недоумѣло посмотрѣла на меня, быстро отвернулась и замолчала.

Вплоть до ночи я не оставался ни минуты покойнымъ. Хозяйка донимала меня своими появленіями въ моей комнатѣ, своими просьбами пособить ей что-нибудь переставить, своими разсказами о томъ, кто будетъ у нихъ завтра въ гостяхъ. Аттестаціи гостей были самыя странныя. Про одного, напримѣръ, я узналъ, что онъ постоянно абонированъ въ итальянской оперѣ и, повидимому, онъ отличался именно только этою особенностью, которая давала ему право быть причисленнымъ «къ избранному обществу» Олениныхъ. Часовъ въ десять, въ залѣ послышалось передвиженіе стульевъ. Я удивился этой неожиданной вознѣ, такъ какъ по вечерамъ у насъ царствовала тишина. Я позвалъ Аннушку.

— Я здѣсь, откликнулась она изъ залы.— Барышнямъ постели стелю.

Я вошелъ въ залъ: Аннушка составляла стулья и устраивала изъ нихъ постели.

— Это у насъ ужь всегда такъ наканунѣ гостей, пояснила она,—кровати-то ихъ вынесли изъ той комнаты, мебель тамъ по модному разставили, ну, и стели, значитъ, въ залѣ...

Въ три часа ночи меня разбудилъ шумъ: это пріѣхали барышни и, напѣвая, смѣясь и болтая, ходили по залѣ, раздѣвались, роняли вещи на полъ, сообщали громко одна другой свои тайны, словно забывъ о моемъ существованіи.

— Тише, услышитъ! вдругъ проговорила одна изъ сестеръ.

— А мнѣ-то что за дѣло! отвѣтила другая.— Ты слышала, что онъ давеча сказалъ? Это ужь онъ не на насъ-ли мѣтилъ? Ужь если я что замѣчу, такъ я его такъ отбалую, что со стыда сгоритъ!

— А онъ тебя пропечатаетъ!

— Ахъ, скажите, пожалуйста, какія страсти! Кто ихъ читаетъ! Голь какая-нибудь, оттого и въ писаки пошелъ. Ужь порядочный человѣкъ по грошамъ за свои писанья сбирать не станетъ, а служить пойдетъ. У нихъ что: ни чиновъ, ни орденовъ, ни званій, ни жалованья, ни наградъ нѣтъ. И мамаша глупо сдѣлала, что пустила! Офицеръ бы какой-нибудь нанялъ; все компанію бы водилъ. А этотъ что? Медвѣдь! У-у-у! Вотъ, вотъ ему!..

Мнѣ, вѣроятно, показывали языкъ, а можетъ быть, и еще хуже того.

На слѣдующій день наша квартира была неузнаваема, неузнаваемы были и люди въ ней. Все и всѣ принарядились, прибрались, пообчистились. Кромѣ Аннушки, къ вечеру появился лакей въ вязанныхъ перчаткахъ, въ порыжѣвшемъ парикѣ, надвигавшемся постоянно на его лобъ, въ потертомъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ сомнительной бѣлизны. По физіономіи, по выправкѣ въ

немъ не трудно было узнать отставного солдата; по неловкости движеній, по неумѣнью носить подносы легко было догадаться, что онъ случайно и недавно попалъ въ офиціанты и, можетъ быть, былъ уже и читальщикомъ, и факельщикомъ; по красному носу и дрожанію рукъ было замѣтно его пристрастіе къ вину. Въ свободныя минуты, стоя у дверей и ожидая, что его позовутъ, онъ утиралъ пальцами въ вязанныхъ перчаткахъ носъ, или почесывалъ сзади голову подъ парикомъ, оттопырившемся въ видѣ подстриженнаго птичьяго хвоста; салфетка, бывшая у него подъ мышкой, не разъ отирала катившійся съ его лица крупный потъ и также не разъ отирала ради чистоты подаваемыя тарелки. Онъ былъ и жалокъ, и смѣшонъ, и отвратителенъ въ одно и тоже время, производя впечатлѣніе нечистоплотнаго и полуголоднаго бродяги. Онъ конфузилъ даже хозяйку и она замѣчала ему:

— Ахъ, Иванъ, какой ты неловкій! и тутъ же тихо объясняла гостямъ:—Это, знаете, нашъ старый слуга, изъ нашихъ бывшихъ крѣпостныхъ; жаль старика, потому и держимъ, хотя онъ ужъ и отвыкъ служить.

Въ дѣйствительности, разумѣется, онъ былъ такимъ же ихъ крѣпостнымъ, какъ и крѣпостнымъ китайскаго императора.

Ивану помогалъ Федя, сынъ хозяевъ, остриженный довольно коротко гимназистъ, съ множествомъ вихровъ на головѣ, съ узенькимъ лбомъ и красными большими руками. Его гимназическій мундирчикъ былъ ему коротокъ и въ тальѣ, и въ рукавахъ, изъ которыхъ висѣли и болтались, какъ кисти, его красныя, длинныя и широкія пятерни. Мальчикъ, подгоняемый приказаньями и просьбами матери, отца, сестеръ и гостей, скакалъ изъ угла въ уголъ козлиною, угловатою походкой.

Гости начали съѣзжаться рано и что это были за гости! Это было буквально вавилонское столпотвореніе. Чиновники, офицеры, барышни, тетки крестниковъ разныхъ извѣстныхъ людей, артисты третьяго разбора, клубные знакомые, какой-то сбродъ съ борка и съ сосенки. Одни шли ради картъ, другіе ради пляски, третьи ради интрижки съ барышнями, четвертые ради ѣды и выпивки. Многіе были здѣсь, подобно мнѣ, впервые; многіе, очевидно, были не только въ первый, но и въ послѣдній разъ. Всѣ почти спрашивали другъ у друга:

— А кто этотъ господинъ? А кто эта госпожа?

Общихъ разговоровъ, конечно, не было и въ поминѣ, всѣ жались и церемонились, всѣ молчали и точно чего-то ждали. Наконецъ началась игра въ карты, танцы и чай, — почувствовалось оживленіе. Какой-то прикомандированный къ гвардіи армеецъ сталъ дирижировать танцами:

— Дамъ-занъ-аванъ! Шенъ-де-дамъ!

И пошло верченье, топотъ, бряцанье шпоръ. Кто-то на всю залу чихнулъ отъ поднявшейся пыли. Атмосфера дѣлалась все душнѣе и тяжелѣе. Изъ моей комнаты, какъ изъ трубы, валилъ дымъ въ залу, въ залѣ пахло керосиномъ, потомъ, гарью отъ кухни, дешевыми духами и помадами. Говоръ все усиливался, топотъ дѣлался все отважнѣе, все неистовѣе гремѣла команда:

— Фетъ-ле-ронъ! Ранже-ву, месье?

Факельщикъ въ роли офиціанта, съ ловкостью танцующаго на канатѣ слона, лавировалъ между гостями съ подносомъ, наполненнымъ конфектами, яблоками, виноградомъ. Всего было мало, всего недоставало, а тутъ какая-то старушка съ сладкой улыбочкой набирала въ платокъ гостинцевъ «для внучковъ»; тамъ какой-то беззубый господинъ съ орденомъ на шеѣ, покачивая съ неудовольствіемъ головой, перещупывалъ всѣ яблоки, надавливая ихъ замаранными нюхательнымъ табакомъ пальцами, чтобы выбрать самое мягкое, и перебралъ всѣ конфекты, чтобы найдти менѣе сладкую; въ третьемъ мѣстѣ кто-то упорно удержалъ офиціанта за рукавъ и сталъ ѣсть съ подноса угощенія, не выпуская изъ рукъ своей жертвы, пока не набилъ непомѣрно прожорливаго рта сластями. Въ моей комнатѣ уже кричали:

— Да вѣдь этакъ лапти только плести можно, а не въ карты играть! У меня какія-съ были карты? А вы съ чего ходили? Я вамъ что показалъ? Пики?

— Ну?

— А вы съ чего ходили? Съ трефъ?

— Ну?

— Да вы что прикидываетесь, что-ли, невиннымъ-то? Ну, ну? Я вамъ говорю, что я показалъ пики-съ, пики-съ, а вы съ трефъ! Чортъ знаетъ, что сдѣлали! И дернуло меня сѣсть Богъ вѣсть съ кѣмъ!

Какая-то старая, полуглухая барыня въ яркомъ чепцѣ подсѣла ко мнѣ и начала распросы:

— Это кто? А это кто?

— Я здѣсь никого не знаю, отвѣчалъ я.

— Да вы впервые здѣсь?

— Впервые.

— Вы кто же такой?

— Жилецъ.

— Жилецъ? Чей?

— Оленинныхъ, комнату нанимаю у нихъ.

— А! А гдѣ же ваша комната? Это темная-то?

— Нѣтъ. Та гдѣ въ карты играютъ.

— Отдавать, значитъ, стали! Охъ плохи дѣла. Всегда говорила, не по состоянію живутъ! Шутка-ли, все по клубамъ, все по театрамъ, все балы да пиры, а работникъ одинъ. Ну, конечно, мѣсто доходное, по таможнѣ служитъ, а все не хватитъ, сколько не бери. Тоже карты эти. Самъ въ должности день, а вечеръ въ клубѣ за картами. Дочерей-то сбыть не могутъ, извертѣлись дѣвки, истрепались. Вотъ съ офицеромъ-то, съ офицеромъ-то Катенька вьется, а что съ него взять. Голь тоже перекатная, поиграетъ съ дѣвчонкой и броситъ. Ему на голые зубы отчего не поиграть, а послѣ она-то кулаками слезы будетъ утирать!

Старуха пожевала беззубымъ ртомъ и начала снова:

— И ужь онѣ-ли въ передѣлкахъ не были: старшая-то дочь такъ и пропала, напоролась на прощалыгу какого-то... погуляла, погуляла съ нимъ... Охъ, грѣхи, грѣхи! И ужь нужды-то, нужды-то что натерпѣлись. Всѣмъ-то должны были, жались въ Гавани, христарадничали, пока мѣста хлѣбнаго самъ не добился. Да что говорить, и теперь-то въ долгу, какъ въ шелку. Меня вотъ принимаютъ, ублажаютъ, а почему? Векселя у меня есть, Да! А ты, батюшка, изъ какихъ?

— Писатель.

— А! А то приказный, думала, спросить хотѣла: векселя-то мои дѣйствительны-ли? У трехъ уже спрашивала, говорятъ: дѣйствительны! А все боюсь. Мое дѣло старое, женское, порядковъ не знаю. Все чужимъ умомъ живу, кто что скажетъ, то и дѣлаю.

Старушка опять пожевала беззубымъ ртомъ.

— Ишь какъ гогочутъ, чему рады!

Дѣйствительно, шумъ становился все сильнѣе, все разнообразнѣе: кто-то вслухъ острилъ: «когда будочникъ бываетъ цвѣткомъ?» Другой кто-то отвѣчалъ также громко: «когда онъ не за будкой!» Какой-то беззастѣнчивый кавалеръ напѣвалъ въ полголоса: «Какъ ты мила». Какія-то барышни, заливаясь смѣхомъ, взвизгивали: «ахъ, ахъ, не смѣшите!» Среди игроковъ просто кричали, ругая другъ друга, азартные партнеры. Топотъ, пристукиванье каблуками и шпорами танцоровъ дошли до послѣдней степени, а дирижеръ танцами съ всклоченной прической, съ мокрымъ отъ пота лицемъ, уже не кричалъ, а взвизгивалъ: «Ле-кавалье-занъ-аванъ!»

Закуска была уже подана и всѣ успѣли закусить.

Но девятый валъ этой бури веселья былъ еще впереди: въ столовой накрывали ужинъ, громыхали посудой, звенѣли рюмками и стаканами, факельщикъ ухитрялся такъ откупоривать бутылки, что пробки щелкали на всю квартиру, что-то тамъ у него разбилось и до меня очень явственно долетѣло, какъ факельщикъ воскликнулъ:

— Ахъ, чтобъ тебѣ!

Крѣпкое слово слетѣло съ его неумытыхъ устъ. Но въ залѣ гости уже ничего не слыхали, ничего не понимали, доплясывая послѣдній кадриль, доигрывая послѣдній роберъ, послѣднюю пульку. Наконецъ всѣ пошли къ ужину и здѣсь произошло маленькое смятеніе; очевидно, что не хватило стола, не хватило приборовъ и потому нѣкоторымъ приходилось ужинать отдѣльно, не за полными приборами.

— Ахъ, эта глухая старушонка вѣчно до конца досидитъ! жаловалась хозяйка шопотомъ и на ходу мужу.—И ты хорошъ, никого изъ своихъ олуховъ не спровадилъ. Туда же остались къ ужину.

Хозяинъ и хозяйка не садились за ужинъ вовсе и ходили около, угощая гостей, осматривая, все-ли подано. Казалось, они сосчитывали каждый проглоченный кусокъ, каждую налитую виномъ рюмку. За столомъ слышался смѣхъ и говоръ.

— Ви-за-ви сонъ де-зами! говорилъ одинъ кавалеръ дѣвушкѣ, сидѣвшей напротивъ.

— Ахъ, вовсе и не желала! Опять смѣшить будете!

— Это мой дѣдушка мою бабушку смѣшилъ, а не я васъ!

— Ахъ, не смѣйте болѣе говорить!

На другомъ концѣ другой острякъ замѣтилъ своему толстому и важно смотрѣвшему сосѣду:

— Нѣтъ, ужь вы оставьте, — это моя мозоль, такъ вы мнѣ ее своими ногами не давите!

Толстякъ посмотрѣлъ на него гнѣвнымъ взглядомъ и проворчалъ:

— Виноватъ!

— Ничего-съ, это я только потому, что она моя любимая!

Барышня рядомъ фыркала отъ смѣха. На краю стола продолжался еще споръ о картахъ:

— Да нѣтъ-съ! У меня что было — тузъ, король, валетъ и десятка бубенъ, король, дама и десятка пикъ, тузъ валетъ и десятка червей, дама, валетъ и десятка трефъ. Я купилъ...

— Да вы тринадцать картъ насчитали.

— Нѣтъ-съ, слушайте: тузъ, король, валетъ и десятка бубенъ...

Другіе четыре партнера доругивались:

— Нѣтъ-съ, это я называю лапти плести, а не въ отвѣтственную игру играть! Вы-съ подводите своего партнера и выводите противниковъ. Я-съ охотнѣе втроемъ сяду играть, съ болваномъ, чѣмъ такъ.

— Да въ клубѣ за это бьютъ!

— Ну гдѣ это вы видѣли! Ну, выведутъ и конецъ!

— Ну, гдѣ какъ! Въ иномъ и побьютъ!

— Конечно, если съ умысломъ.

— Съ умысломъ или не съ умысломъ — тутъ некогда разбирать, а бей и конецъ.

— Ну, на кого тоже нападутъ!

Хозяинъ подходилъ и угощалъ гостей. Эти люди, чинные, скучающіе и безмолвные въ началѣ вечера, были теперь неузнаваемы: они и веселились, и шумѣли, и даже были красны, точно это были не тѣ геморроидальныя, золотушныя, малокровныя, чахоточныя лица, которыя явились сюда въ восемь часовъ вечера.

— Ну, ужь и баня же у васъ! проговорилъ

вслухъ какой-то господинъ съ орденомъ въ петлицѣ.

Раздался хохотъ, начались остроты и шутки на счетъ бани, пошли въ ходъ двусмысленности, скабрезности; сальныя натуры развернулись вполнѣ, разливая цѣлый потокъ циничныхъ намековъ, остротъ и шутокъ. Какой-то гвардейскій офицеръ, наклоняясь къ одной изъ дочерей хозяевъ, говорилъ:

— Теперь бы на тройкѣ прокататься!

— Ахъ, нѣтъ, мамаша не пуститъ, поздно!

— Но я, Марья Александровна, смѣю разсчитывать въ другой разъ?

— Спросите мамашу, если отпуститъ.

— Я пріѣду и мы штурмомъ возьмемъ крѣпость!

Онъ понизилъ голосъ и началъ что-то нашоптывать. Дѣвушка потупилась и перебирала кончикъ вѣера.

— Ахъ, я не вѣрю вамъ! шептала она.

— Честное слово!

Бутылки были всѣ опорожнены и водка, и пиво, и иностранныя вина отъ Денкера, и русскія вина отъ Воронцова были допиты. Кто-то изъ гостей безцеремонно перебиралъ всѣ бутылки, чтобы выпить еще послѣднюю рюмку, и держалъ каждую бутылку противъ свѣта, отыскивая въ ней хотя каплю влаги.

— Послѣдній контрдансъ! крикнулъ дирижеръ танцевъ.—Ла дерньеръ авекъ галопъ!

Опять всѣ зашумѣли стульями, раздались поцалуи съ хозяевами, задвигалась масса, дамы подбирали подолы, чтобы не выпачкать платьевъ о пролитое вино и пиво, объ оброненные куски жаренпаго гуся, о растаявшее на полу упавшее съ ложекъ мороженое. Хаосъ, толкотня, грязь, все это царило въ столовой. Въ залѣ уже снова слышалась музыка и вертѣлись пары. Вздремнувшая во время ужина таперша, въ перекрашенномъ черномъ платьѣ, въ большихъ очкахъ, съ красными рабочими руками, должно быть, когда-то отмороженными, барабанила съ новою силою по клавишамъ разстроеннаго фортепьяно.

Когда всѣ уѣхали и я ушелъ въ свою комнату,—я не узналъ ее: табачный дымъ, окурки сигаръ и папиросъ, запахъ гари и селедокъ, оброненныхъ здѣсь во время закуски, слѣды грязныхъ ногъ, все это было непригдядно, напоминало кабакъ. Успокоиться и улечься я не могъ долго: хозяйка бѣгала, подсучивъ платье, и тушила свѣчи, обирала огарки, считала колоды картъ, мелки, щеточки; въ кухнѣ считали посуду, приборы ножей, вилокъ и ложекъ, салфетки. Все это было на половину занято у сосѣднихъ жильцовъ, у знакомыхъ, у какого-то кухмистера. Барышни, уставшія и опустившіяся, раскалывали банты, цвѣты, не обращая никакого вниманія на меня.

Бѣдный гимназистъ, сынъ хозяевъ, помогавшій весь вечеръ факельщику, теперь гонялся изъ угла въ уголъ.

— Федя! Федя! кричала ему мать,—разбери карты!

— Федя! Федя! отколи бантъ мнѣ сзади! кричала ему сестра.

Онъ огрызался, ругался, но помогалъ всѣмъ.

— Федя! Федя! крикнулъ наконецъ и я.

— Вы еще что? грубо отвѣтилъ онъ.

Я расхохотался.

— Ничего, голубчикъ, просто хотѣлъ вамъ сказать, что пора и спать! сказалъ я, протягивая ему на прощанье руку.

— Да, успешь у насъ! отвѣтилъ онъ.—Теперь еще въ спальнѣ отецъ и мать пилить другъ друга начнутъ до третьихъ пѣтуховъ!

Ну, вотъ и прошелъ jour fixe и пошли опять дни по прежнему: весь день музыка и пѣніе, а вечеромъ мертвая тишина. Днемъ бѣготня Анпушки, а вечеромъ ея тихія бесѣды съ ея солдатомъ. Такъ же неизмѣнно пропадалъ самъ господинъ Оленинъ днемъ въ должности, вечеромъ въ клубѣ. Такъ же неизмѣнно не былъ видѣнъ сынъ Олениныхъ, пребывая днемъ въ гимназіи, а вечеромъ у товарищей. И никто-то не дѣлалъ никакого дѣла, не шилъ, не чинилъ, не читалъ, не учился. Иногда я слышалъ, какъ Аннушка говорила:

— Да вѣдь стирать нельзя, сударыня, въ корытѣ чулки останутся, мѣста живого нѣтъ!

— Вы бы хоть подштопали! совѣтовала мать дочерямъ.—Также изъ угла въ уголъ ходите!

— Что мы богадѣленки, что-ли? Рано еще за вязаньемъ и штопаньемъ сидѣть, отвѣчали барышни.—Скажите папа, пусть на новыя дастъ денегъ.

— Такъ онъ и далъ! Припасено у него для васъ!

— А въ карты есть на что играть?

— Не на ваши играетъ!

— Да и вы не на свои играете, а на хозяйственныя!

— Ну, и не ваше дѣло!

— Не наше, а мы оборванными ходимъ!

— Стыдитесь! Сколько платьевъ понашила!

— А юбки обтрепаны!

— А вы подшейте!

— Ну ужь, нѣтъ-съ! Возьмите швейку!

И точно, въ домѣ появилась швея-поденщица, на которую навалили цѣлыя груды разнаго расхудившагося бѣлья, проносившихся юбокъ, оборвавшихся сорочекъ. Она съ утра до ночи не разгибала спины, а семья пила, ѣла, пѣла и веселилась. Я дѣлалъ нѣсколько попытокъ поговорить съ барышнями, но изъ этого ничего не выходило. О книгахъ онѣ совсѣмъ не могли говорить, потому что ничего не читали, кромѣ стишковъ изъ какихъ-то сборниковъ, хрестоматій и пѣсенниковъ. О театрѣ ихъ разговоры ограничивались разсказами о томъ, кто изъ зрителей и актрисъ какъ былъ одѣтъ и восклицаніями: «ахъ, милка Мартыновъ!» «ахъ, пупончикъ Самойловъ!» Объ общественныхъ и политическихъ новостяхъ нечего было и заикаться, такъ какъ онѣ никогда не читали никакой газеты и узнавали только отъ Аннушки, что гдѣ-то кого-то ограбили, при чемъ только въ экстренныхъ случаяхъ онѣ говорили: «ахъ, достань газету, Аннушка, мы сами прочтемъ!» Говоря съ ними, нужно было говорить анекдоты, каламбуры, остроты, чтобы смѣшить ихъ, или любезничать съ ними, чтобы завести интрижку, или вызывать ихъ на воспоминанія, чтобы онѣ защебетали безъ конца. Впрочемъ, ихъ воспоминанія ограничивались тѣмъ, какъ весело провели онѣ время въ Павловскѣ, каждый день на музыкѣ, всѣ аристократы тамъ живутъ, самъ великій князь тамъ бываетъ, или какъ хорошо онѣ жили въ Парголовѣ, каждый день на телѣгахъ, на лодкахъ, верхами катались, играли въ серсо, въ воланы, одинъ кавалеръ былъ тамъ душка, утонулъ бѣдный, и такъ далѣе безъ конца. Глубже этого содержанія, воспоминанія не шли. Иногда онѣ разсказывали даже, какъ кто упалъ въ клубѣ въ кадрили годъ тому назадъ, и это онѣ помнили съ удивительными подробностями и оживлялись при этихъ воспоминаніяхъ. Онѣ мнѣ скоро надоѣли и я пересталъ даже дѣлать наблюденія надъ этойпустой, праздной жизнью, стараясь два раза въ мѣсяцъ по понедѣльникамъ не ночевать дома, чтобы избѣжать ихъ общества. Но вдругъ судьба снова напомнила мнѣ о ихъ внутренней жизни.

Разъ я ночью съ воскресенья на понедѣльникъ, когда барышни спали рядомъ съ моей комнатой, проснулся, услышавъ плачъ. Плачъ былъ неутѣшный, всхлипыванья были громки.

— Да ты разскажи, что случилось-то? приставала мать.

— Ахъ, maman, вы видите, она сама не въ себѣ, проговорила Катерина Александровна.—Извѣстно что, ну поѣхали на тройкахъ, на Крестовскомъ были, катались съ горъ, ужинали...

— Ну, ну! торопила мать.

— Маша слаба, шампанское бросилось въ голову, вотъ отъ этого все и случилось, поясняла дочь.

— А ты-то гдѣ была? допрашивала мать.

— Я за нею по пятамъ не могла же ходить! Ну, ушла, а потомъ вотъ и плачетъ, закончила дочь.

— Да ты что же погубить насъ хочешь? приставала мать къ плачущей дочери.—Ты какъ сестра Дарья, видно, хочешь пропасть? Да я тебя теперь прокляну, если ты не выйдешь за него замужъ, если ты его выпустишь изъ рукъ! Вѣдь кто теперь тебя такую-то возьметъ? Кому такая-то нужна? Онъ тебя обольстилъ, его ты и заставь на себѣ жениться!

— Ахъ, maman, что вы ее терзаете еще! заступалась за сестру Катерина Александровна.

— Не суйся не въ свое дѣло! огрызнулась мать.—Тоже, видно, захотѣлось по дорожкѣ сестеръ пойдти! Я тебѣ говорю, Марья, не хнычь! Слезами не воротишь. А ты такъ ему и объяви, что на него въ полкъ жалобу твой отецъ подастъ, если онъ не прикроетъ вѣнцомъ безчестія! Шутка-ли, взялъ покатать дочерей благородныхъ родителей, компанію цѣлую собралъ и что надѣлалъ! Жени, говорю я тебѣ, жени его на себѣ и конецъ, а не то...

Рыданія на мигъ смолкли и я услышалъ всхлипывающій, прерывающійся голосъ Марьи Александровны.

— Маменька, маменька... онъ тутъ же... тутъ же сказалъ... что онъ... женатъ!..

— Батюшки мои свѣты! воскликнула мать, громко всплеснувъ руками.—Да что же это будетъ такое? Да какже ты не разузнала прежде?

Рыданія, болѣзненныя, истерическія, начались снова съ удвоенной силой.

— И будь ты проклята! И не дочь ты мнѣ! зарыдала теперь и мать.—Съ глазъ моихъ ты уходи!

— Что это вы, maman, ее гоните! проговорила Катерина Александровна. — Довольно и одной... Фамилію только срамитъ!... А Машу еще возьмутъ, пока никто не знаетъ... Вотъ Перцовъ влюбленъ въ нее: онъ не богатъ, у папаши крестнаго подъ началомъ служитъ, его и женить... Все же лучше будетъ, потому Перцовъ и пикнуть не посмѣетъ насчетъ неудовольствія: онъ будетъ радъ, что, хоть при такихъ обстоятельствахъ, ему съ нами породниться удастся, потому что у папаши крестнаго въ рукахъ вся его карьера и, можно сказать, жизнь...

— Ну, и говорите сами отцу и дѣлайте, что хотите, а я знать васъ не хочу! крикнула мать.

— И обдѣлаемъ-съ, только вы не кричите, потому что васъ никто и не боится.

И дѣйствительно, Перцовъ женился на Марьѣ Александровнѣ, а Катерина Александровна подцѣпила какого-то богатаго старца въ мужья и всѣ сестры—и Даша, и Катя, продолжали свою жизнь милыхъ бездѣльницъ.

Фридрихъ Шопенъ.

Ст. П. В. Га—на.

Кто изъ любителей музыки и фортепіанной игры не знаетъ или не слыхалъ произведеній знаменитаго піаниста и композитора Шопена? Сорокалѣтняя жизнь его на столько замѣчательна, что невольно возбуждаетъ интересъ къ этому, высоко-талантливому, артисту, по мнѣнію многихъ знатоковъ музыки, неимѣвшему себѣ соперника между піанистами. Ноктюрны, этюды и въ

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

КАРТИНА БУГЕРО.

Цыганка. Рѣзалъ на деревѣ **А. А. Шлипперъ** въ С.-Петербургѣ.

особенности его мазурки, имѣютъ всемірную извѣстность. Въ нихъ столько глубокаго чувства, что весьма немногія изъ его учениць и такіе таланты, какъ Листъ, А. Г. Рубинштейнъ и Клара Шуманъ въ состояніи передавать всю прелесть и задушевность его, по преимуществу исполненныхъ грусти, мелодій. Въ области музыки Шопенъ былъ дѣйствительнымъ поэтомъ, какимъ Гейне былъ въ поэзіи, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что скептицизмъ послѣдняго разрушалъ, а гармоническая природа Шопена плодотворно вліяла на изображаемыя картины душевнаго настроенія. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Листа, что въ настоящее время извѣстность и слава упрочиваются только за композиторами, написавшими не менѣе полудюжины оперъ и столько же ораторій, такъ какъ отъ таланта требуется все, даже невозможное. Ни оперъ, ни ораторій въ сочиненіяхъ Шопена не имѣется; но большинство изъ двухсотъ напечатанныхъ его піесъ, хотя и незначительныхъ по объему, и назначенныхъ преимущественно для фортепіано, вполнѣ заслуживаетъ названія неподражаемыхъ твореній геніальнаго композитора.

Въ музыкѣ, какъ и въ живописи и въ литературѣ, нельзя оцѣнивать произведенія только по ихъ величинѣ. Можно-ли упрекать Беранже за то, что всю силу таланта онъ заключилъ въ тѣсныя рамки своихъ пѣсенъ? А Петрарка! Не своимъ ли сонетамъ обязанъ онъ славою? И какъ не велико число тѣхъ, которые, восхищаясь его сонетами (выдержавшими болѣе 300 изданій), знали, что перу Петрарки принадлежитъ также и поэма объ Африкѣ, написанная на языкѣ древнихъ римлянъ. Въ молодости Шопенъ обращался иногда къ акомпаньементу оркестра въ своихъ сочиненіяхъ; позднѣе же онъ написалъ только одинъ полонезъ для оркестра. Особенное преимущество, послѣ фортепіано, Шопенъ отдавалъ віолончели, какъ инструменту, элегическіе звуки котораго симпатизировали съ его душевнымъ настроеніемъ. Для фортепьяно съ віолончелью, кромѣ полонеза (соч. 3), Шопенъ написалъ еще дуэтъ на мотивы изъ «Роберта» въ угоду современнаго увлеченія этою оперой и, незадолго до кончины своей, сонату (соч. 65), первая часть которой исполнена необыкновенной силы и красоты. Изъ большихъ сочиненій для одного фортепьяно заслуживаютъ особеннаго вниманія три сонаты, изъ которыхъ во второй (соч. 35) заключается извѣстный всему музыкальному міру, знаменитый похоронный маршъ. Съ особенною любовью относится Шопенъ къ піесамъ, имѣющимъ характеръ танцевъ: мазуркѣ, полонезу, вальсу, тарантелѣ, краковяку и болеро. Изъ всѣхъ современныхъ ему композиторовъ, Шопенъ былъ первымъ, который вполнѣ идеализировалъ эти танцы. Изъ пятидесяти мазурокъ его трудно отдать пальму первенства одной изъ нихъ. Но къ наиболѣе мелодичнымъ слѣдуетъ отнести сочиненія: 7, № 2 и 3; 17, № 1 и 2; 24, № 2; 30 № 3; 34 № 4; 24 № 4; 50 № 3; 63 № 3. Изъ одиннадцати же піесъ полонеза, заключающихся въ семи сочиненіяхъ Шопена, первая изъ нихъ написана и для оркестра. О происхожденіи этого рода польскаго танца, преданіе говоритъ, что когда прекратилась династія Ягеллоновъ, то сынъ Катерины Медичи, Генрихъ Анжуйскій, былъ избранъ королемъ Польши въ 1573 г. и, подъ именемъ Генриха III, прибывъ въ Краковъ, онъ торжественно, въ королевскомъ дворцѣ, принималъ представителей націи, которые съ своими женами, попарно, проходили медленно передъ нимъ, подъ тактъ музыки.

И всегда, когда былъ избираемъ королемъ иностранный принцъ, церемонія эта повторялась и, такимъ образомъ, установился національный танецъ, извѣстный у насъ подъ названіемъ «польскій». Шопенъ вложилъ въ него идеальную красоту гармоніи и національный характеръ, чего до него не удалось сдѣлать другимъ композиторамъ, какъ напр. Огинскому, Шуберту и Веберу. Лучшимъ полонезомъ можно назвать 44-е сочиненіе, посвященное Шопеномъ сестрѣ графини Потоцкой, княгинѣ Бово. По особенной же прелести мелодіи замѣчателенъ полонезъ соч. 26. Какъ музыкальная картина борьбы и сраженія, оканчивающаяся торжественнымъ побѣднымъ гимномъ, представляетъ полонезъ соч. 61. Но изъ всѣхъ сочиненій, наиболѣе любимы въ народѣ его вальсы (сочин. 18, 34, 42, 64, 69, и 70). Въ особенности мелодичны соч. 64 (Cis-moll) и 34 (A-moll). Къ самымъ оригинальнымъ произведеніямъ Шопена слѣдуетъ отнести четыре его баллады (сочин. 23, 38, 47 и 52), заключающія въ себѣ поэтическіе разсказы, написанные подъ впечатлѣніемъ нѣкоторыхъ стихотвореній Мицкевича. Четвертая баллада, въ техническомъ отношеніи, самая трудная, по по мнѣнію піаниста Германа Шольца, основательно изучившаго произведенія Шопена, эта баллада чрезвычайно богата своимъ поэтическимъ содержаніемъ, и требуетъ отъ исполнителя тонкаго пониманія и особеннаго искуства. Далѣе слѣдуетъ сказать о ноктюрнахъ, которые Шопенъ написалъ вовсе не въ подражаніе Фильду, бывшему, какъ полагаютъ многіе ошибочно, учителемъ Шопена, а въ силу творчества своего таланта. Фильду принадлежитъ только первенство въ композиціи этого рода небольшихъ піесъ, полныхъ меланхоліи и грусти. Наилучшими изъ девятнадцати шопеновскихъ ноктюрнъ считаются сочиненія: 15; № 2; 27; 37, № 1 и 2; 48, № 1. По времени, первымъ былъ написанъ ноктюрнъ соч. 72, въ 1827 г., а послѣднимъ, незадолго до его кончины, соч. 62 № 2, въ 1849 г. Все, что сказано было о балладахъ Шопена, можно сказать и о его піесахъ подъ названіемъ «Скерцо». Этотъ родъ музыкальныхъ піесъ, до Шопена, вовсе не существовалъ въ томъ Шекспировскомъ почти характерѣ и полной энергіи, какую вложилъ въ свои скерцо Шопенъ. Всѣ четыре скерцо какъ бы выражаютъ въ себѣ характеръ его: твердость и отвагу, душевное благородство, любезность и поэтическую мечтательность.

Въ особенности замѣчательны два скерцо: соч. 31 и 54. Четыре экспромта и двѣ прелюдіи составляютъ какъ бы дополненіе къ его ноктюрнамъ. Особенную заслугу оказалъ Шопенъ усовершенствованіемъ формы, которую онъ далъ піесамъ подъ названіемъ «Этюды». Изъ двадцати его этюдовъ, лучшими считаются сочин. 10, № 3, 9, 10, 12; 25, № 1 и 7.

Музыка на шестнадцать польскихъ пѣсенъ: Мицкевича, Залескаго, Витвицкаго и другихъ, была написана по мѣрѣ того, какъ приходилось ему прочесть что-нибудь выдающееся изъ отечественной поэзіи. Шопенъ писалъ музыку для пѣсень только для себя и не желалъ предавать гласности. Кромѣ піесъ, упомянутыхъ выше, онъ написалъ еще тріо для фортепьяно, скрипки и віолончели; два концерта для фортепьяно съ оркестромъ; четыре «рондо», изъ нихъ одно (соч. 73) для двухъ фортепьянъ, и другія, какъ напр. тарантелла (соч. 43), фантазія (соч. 49), колыбельная пѣсня (соч. 57), баркаролла (соч. 60) и т. д.

Девять сочиненій, появившихся въ печати послѣ кончины композитора, не имѣютъ особенныхъ достоинствъ (сочин. 66—74). Шопенъ неоднократно выражалъ желаніе, чтобы по смерти его, сочиненія эти были уничтожены, такъ какъ онъ самъ сознавалъ ихъ недостатки. Необыкновенное стараніе и добросовѣстность, съ которыми онъ относился къ своимъ произведеніямъ, служили для Шопена щитомъ для отраженія придирчивой критики своихъ недоброжелателей, усердно искавшихъ ошибки, чтобы имѣть причину къ осужденію его таланта. Пріученный съ молодости строго относиться къ своему призванію композитора, Шопенъ нерѣдко уничтожалъ свои произведенія, которыя другой съ гордостью отдалъ бы въ печать. Воспитанный на германскихъ образцахъ, Шопенъ любилъ и уважалъ нѣмецкую музыку. Гендель, Глюкъ, Бахъ, Гайднъ и Моцартъ были для него идеалами совершенства. Преклоняясь передъ геніальностью Бетховена, онъ предпочиталъ, однако, мелодичность и особенную прелесть въ произведеніяхъ Моцарта. Съ дѣтства преданный музыкѣ, Шопенъ жилъ какъ бы въ царствѣ звуковъ; не слыша ихъ, онъ думалъ только о музыкѣ, которая ему грезилась даже во снѣ. Не трудно представить себѣ, какъ постоянныя занятія музыкой могли разрушительно дѣйствовать на его отъ природы слабый организмъ, и какъ болѣзненно отзывалось каждое нарушеніе гармоніи его душевнаго настроенія при столкновеніи съ грубой дѣйствительностью жизни. Въ подобномъ положеніи Шопенъ всегда повѣрялъ свои мысли инструменту и все грустнѣе и грустнѣе становились онѣ, и наконецъ накипѣвшее горестью сердце не вынесло послѣднихъ страданій, и навсегда замолкло. За нѣсколько дней до смерти своей, Шопенъ написалъ мазурку «senza fine» (т. е. безъ конца), которая и была его послѣднимъ произведеніемъ, проникнутымъ глубокимъ чувствомъ меланхоліи. Эта мазурка и была его послѣднею лебединою пѣснею, полною грустныхъ звуковъ разлуки съ горячо любимой имъ родиной, вдали отъ которой онъ умиралъ въ добровольномъ изгнаніи. Таковъ былъ Шопенъ какъ композиторъ. Скажемъ теперь, какимъ онъ былъ какъ человѣкъ.

Сыновняя привязанность Фридриха къ своимъ родителямъ, могла служить образцомъ. Всѣхъ родныхъ своихъ Шопенъ любилъ искренне, и былъ вѣрнымъ другомъ для тѣхъ, кого удостоивалъ своей дружбы. Наружность его невольно привлекала къ себѣ, и производила пріятное впечатлѣніе. Въ темнокарихъ его глазахъ веселость отражалась чаще, чѣмъ мечтательность; его улыбка очаровывала всѣхъ. Средній ростъ, блѣдный цвѣтъ лица, темнорусые волосы, слегка выгнутый римскій носъ, полныя достоинства движенія и аристократическая любезность въ обращеніи —дополняютъ его портретъ, весьма схожій съ портретомъ его матери. «При веселомъ нравѣ сердце у Шопена было полно мечтательныхъ стремленій», какъ говоритъ одна изъ любимыхъ его учениць, и совершенно справедливо, такъ какъ Шопену всегда удавалось приводить въ веселое настроеніе близкихъ ему людей. Живя втеченіи почти восемнадцати лѣтъ въ Парижѣ (съ сентября 1831 г. по день кончины), Шопенъ весьма часто посѣщалъ многія аристократическія семейства, и вездѣ онъ очаровывалъ своимъ любезнымъ обращеніемъ. Онъ былъ любимцемъ княгинь и графинь и вотъ въ чемъ заключается, вѣроятно, разгадка, почему Шопенъ не раздѣлялъ привычки знаменитыхъ артистовъ—являться офиціально передъ публикой. Дать концертъ для него было весьма непріятно и Шопенъ рѣшался на это только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ. Онъ сознавалъ свой талантъ, но охотно и съ дружескимъ участіемъ относился къ успѣху своихъ товарищей по искуству. Шопенъ любилъ окружать себя роскошью. Модная мебель, дорогіе ковры, множество бездѣлушекъ—подарки его почитателей, а болѣе почитательницъ, украшали его квартиру, какъ равно и цвѣты, которые онъ страстно любилъ. Одѣвался онъ всегда безукоризненно щеголевато, и гардеробъ свой заказывалъ у лучшихъ мастеровъ, не раздѣляя мнѣнія людей, которые полагаютъ, что артисту, или художнику позволительно пренебрегать своимъ костюмомъ. Но будучи щедрымъ къ себѣ, онъ не былъ скупымъ для другихъ. Шопенъ оказывалъ матеріяльную поддержку весьма

многимъ соотечественникамъ, до пріисканія ими средствъ къ самостоятельной жизни въ Парижѣ. Первый изъ концертовъ своихъ онъ, еще въ дѣтствѣ, далъ въ пользу бѣдныхъ въ Варшавѣ, а будучи въ 1849 г. въ Лондонѣ, Шопенъ далъ свой послѣдній концертъ, передъ смертью, въ пользу эмигрантовъ своей родины. Онъ оказывалъ помощь каждому, кто нуждался въ ней; но не любилъ бывать въ домахъ, гдѣ хозяева желали похвастать его присутствіемъ. Приглашенный въ домъ одного богача къ обѣду, послѣ котораго хозяинъ настоятельно требовалъ, чтобы Шопенъ сыгралъ для его гостей, онъ отвѣчалъ съ ироніей:

— Любезный хозяинъ, я такъ мало ѣлъ у васъ.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда Шопенъ былъ увѣренъ, что игра его доставитъ удовольствіе, онъ не заставлялъ просить себя, и охотно садился за фортепьяно. Нерасположеніе Шопена къ перепискѣ доходило до забавнаго, какъ разсказываетъ Листъ, въ своей о немъ біографіи. Получая нерѣдко письменныя приглашенія къ обѣду отъ разныхъ вліятельныхъ лицъ, знакомства съ которыми онъ особенно не желалъ, Шопенъ предпочиталъ заявить о своемъ отказѣ лично, чѣмъ отвѣчать письменно на приглашенія, хотя иногда приходилось сдѣлать для того не близкую прогулку, или даже поѣздку. Но тѣ дни, въ которые получалъ онъ письма отъ родныхъ, изъ Варшавы, Шопенъ считалъ праздниками и, отвѣчая на нихъ, всегда посылалъ имъ подарки. Съ дѣтства получивъ строгое религіозное воспитаніе, Шопенъ избѣгалъ разговоровъ, въ которыхъ относились небрежно къ религіи. Бесѣды о политикѣ и литературѣ онъ любилъ слушать, но самъ принималъ живое участіе въ бесѣдахъ только тогда, когда дѣло касалось его любимаго искуства. Шопенъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Берліоза и Листа о томъ, что искуство не должно служить средствомъ только для пріобрѣтенія земныхъ благъ, а должно развиваться и совершенствоваться, не застывая въ прежнихъ, устарѣлыхъ формахъ своихъ. Когда друзья его настаивали на скорѣйшемъ печатаніи его новыхъ произведеній, то Шопенъ обыкновенно говорилъ имъ:

— Я думаю, что достоинство моихъ сочиненій будетъ служить достаточной имъ рекомендаціей; о томъ же, что эти достоинства будутъ въ нихъ признаны теперь или послѣ, то для меня это все равно.

Въ первое время пребыванія Шопена въ Парижѣ, когда въ музыкальныхъ кружкахъ начали говорить о немъ, многіе принимали его за нѣмца, другіе же за француза. Шопенъ энергически протестовалъ противъ подобныхъ предположеній и, съ гордостью настоящаго патріота, заявлялъ, что онъ не нѣмецъ, не французъ, а полякъ. Будучи по отцу французскаго происхожденія и въ совершенствѣ владѣя этимъ языкомъ, въ произношеніи, однако, Шопенъ выдавалъ польскую національность своей матери. Какъ всѣ одаренные богатой фантазіей натуры бываютъ нерѣдко суевѣрны, такъ и Шопенъ былъ подверженъ суевѣрію. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Возвращаясь однажды съ вечера съ друзьями, въ числѣ которыхъ былъ и Шмитковскій (ему посвящены прелестныя три мазурки соч. 50), Шопенъ выразилъ сожалѣніе о дурномъ состояніи своихъ финансовъ и, шутя, прибавилъ:

— Я желаю, чтобы добрый геній снабдилъ меня двадцатью тысячами франковъ и положилъ бы ихъ въ мой шкафъ. Этой суммы мнѣ достаточно, чтобы устроиться разъ навсегда съ тѣмъ комфортомъ, который я такъ люблю.

Въ туже ночь ему приснилось, что желаніе его исполнилось, о чемъ онъ и разсказалъ своимъ друзьямъ. Нѣсколько дней спустя, открывая ящикъ, въ которомъ хранились его разныя документы и деньги, Шопенъ, къ удивленію своему, нашелъ въ немъ ту сумму, о которой мечталъ. Эти 20,000 франковъ были положены, секретно, Шмитковскимъ, разсказавшимъ о желаніи и странномъ сновидѣніи Шопена одной изъ учениць его, шотландкѣ миссъ Стирлингъ, подарившей эту сумму своему любимому учителю, который остался въ невѣдѣніи, кому онъ былъ обязанъ подобнымъ подаркомъ.

Познакомивъ читателей съ Шопеномъ, какъ съ композиторомъ и человѣкомъ, сдѣлаемъ хотя краткій обзоръ его жизни и скажемъ объ отношеніи Шопена къ извѣстной писательницѣ Жоржъ-Зандъ, имѣвшей такое громадное на него вліяніе.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Патеръ Грегоръ.

Психологическій очеркъ. **Е. Вербера.**

(Продолженіе.)

а другой день я вышелъ на работу со скребкомъ и лопатой; я рылъ глубже, нежели нужно было и выкладывалъ ровъ камнями, чтобы работа моя могла длиться дольше. Занятіе это доставляло мнѣ удовольствіе и если бы не было на мнѣ моей коричневой рясы, я бы иногда могъ подумать, что я свободенъ. Ко мнѣ проникалъ запахъ елокъ; нѣжные, бѣлые и желтые альпійскіе цвѣты поднимали изъ травы свои головки близко отъ меня и сверкающія ящерицы скользили по моему заступу. Я упивался воздухомъ будто виномъ и мнѣ часто хотѣлось вскрикнуть: о сладкая природа, какъ я люблю тебя! Я признаю себя блаженнымъ въ сознаніи, что я живу и ощущаю себя ребенкомъ.

Но эта работа не утомляла меня, напротивъ: она освѣжала мою кровь, укрѣпляла мои члены и, когда я входилъ въ часовню, тяжело ложилась мнѣ на душу ея нищета и блѣдность монаховъ. Сколько ихъ, спрашивалъ я себя,—боролось, какъ я борюсь? сколько ихъ заморило себя покорностью, сколько ихъ состарилось въ ожесточеніи?! Сколько между ними счастливыхъ, а сколько несчастныхъ? А много-ли такихъ, которыхъ время сдѣлало холодными и отупило. Патеръ Грегоръ былъ со мною ни строже, ни ласковѣй, нежели съ другими, и если бы огненное жало не вонзилось мнѣ въ грудь, послѣ многозначительнаго разговора съ нимъ, я бы счелъ весь этотъ разговоръ за сонъ. Въ настоятелѣ ничто не обнаруживало, что онъ помнилъ о немъ. Черезъ двѣ недѣли я кончилъ работу водоотводнаго рва. Когда я уложилъ послѣдній камень и сѣлъ на землю, я сказалъ себѣ: «теперь простись съ природой». И такъ какъ, при прощаніи, предметы, съ которыми надо разстаться, кажутся намъ лучше, то въ душѣ моей возникъ разладъ, жестокій разладъ. Жизнь, жизнь! ты притягиваешь меня мягкими, невидимыми руками; ты отуманиваешь мою душу, какъ сладкая музыка! Я теперь нахожусь внѣ монастырской ограды, сумракъ надвигается, никто меня не видитъ; злая воля и страстное желаніе окрылятъ меня — убѣгу я изъ этой безотрадной тюрьмы, сдѣлаюсь я свободнымъ!.. Но ты, находящійся въ стѣнахъ обители, съ склоненной главой, съ пламеннымъ окомъ, ты, таинственный патеръ Грегоръ, наложилъ на меня оковы. О, какъ ужасно страдалъ я въ тотъ часъ. Но часъ тотъ прошелъ; я взялъ заступъ и лопату на плечо и поднялся въ монастырь. Ночь, слѣдующую затѣмъ вечеромъ, уснулъ я блаженнымъ сномъ. Тюрьма моя казалась мнѣ менѣе мрачной и духъ мой былъ спокоенъ. Я цѣлыя двѣ недѣли, ни разу не взглянулъ на Марію, идущую по водѣ. Я закрывалъ глаза, проходя мимо нея; сердце страшно билось и нервы потрясались жестоко. Но разъ, оставивъ картину позади себя, я глубоко переводилъ духъ, какъ человѣкъ, избѣгнувшій большой опасности. И все же во мнѣ было ощущеніе, будто Марія мною недовольна за то, что я больше не смотрѣлъ на нее, и въ сердцѣ своемъ я просилъ у ней прощенія.

Однажды утромъ перекрашивали стѣны монастырскаго коридора и Марія исчезла. Я былъ въ отчаяніи, но не смѣлъ спросить, куда ее отнесли. На другой день, возвращаясь отъ больного, я увидѣлъ патера Антона, стоящаго на стулѣ и держащаго картину надъ головой.

— Иди сюда, патеръ Іозіасъ, сказалъ онъ, слѣзая со стула, — будь такъ добръ, повѣсь образъ, у тебя руки длиннѣе моихъ.

Я задрожалъ отъ радости и священнаго трепета, когда взялъ у него картину, и Марія такъ терпѣливо дозволяла мнѣ поднять себя вверхъ. Въ глазахъ стоялъ туманъ и долго не могъ я попасть петлей на крюкъ, наконецъ, удалось и, прежде, нежели сойти со стула, посмотрѣлъ я на Марію; небесная любовь играла на ея устахъ и я чувствовалъ, что она не сердилась на меня. Въ моемъ измученномъ, невинномъ сердцѣ, я сталъ просить ее: «О, Марія! неужели ты никогда не поднимешь очей?!» И она подняла ихъ однажды въ бурную ночь, подняла эти очи, черные, волшебные, пламенные очи, которыхъ въ жизнь мнѣ не забыть. Была полночь; мы собрались въ ораторію на молитву; вдругъ сильно позвонили у воротъ. Пришли просить помощи путешественникамъ, которые вывалились изъ почтовой кареты и теперь пріютились въ кабакѣ; одинъ изъ нихъ ожидалъ смерти и требовалъ елеосвященія и исповѣди. Патеръ Грегоръ сказалъ, что самъ сойдетъ къ нимъ и выбралъ меня въ проводники. Ночь была темна и удушлива; далекіе перекаты грома, какъ меланхолическія грезы, тихо тянулись по воздуху. Съ фонаремъ въ рукѣ патеръ Грегоръ и я спускались по крутой тропинкѣ, около которой воды пѣли свои таинственныя мелодіи. Ни одного огонька не было видно въ долинѣ, но если тамъ кто-нибудь бодрствовалъ, то странное впечатлѣніе должны были произвесть на него наши блуждающіе огоньки. Гроза разыгралась. Подобно огненнымъ змѣямъ, скатывалась молнія вдоль по горамъ и не успѣвалъ еще громъ умолкать, какъ раздавался уже съ сердитымъ ревомъ, раскатываясь по ущельямъ, новый ударъ. Мы были окутаны грозой и патеръ Грегоръ сказалъ:

— Если въ такую грозу умираетъ человѣкъ и нѣчто тяжелое тяготитъ его совѣсть, то ему должно быть не легко на душѣ... Человѣкъ, который приходилъ за нами, разсказалъ, что три путешественника получили увѣчья, тотъ же, который требовалъ духовника, вѣроятно, имѣлъ внутреннее поврежденіе; дочь же его, молодая дѣвушка, осталась невредима.

Кабакъ стоялъ на большой дорогѣ. Насъ повели въ верхній этажъ, гдѣ постланы были три постели на полу, въ танцовальной залѣ: здѣсь лежало трое раненыхъ.

Двое путниковъ, оставшихся невредимыми, ухаживали за ними, одинъ изъ нихъ былъ врачъ. Мы приблизились къ постелямъ; врачъ подошелъ и сказалъ намъ:

— Почтенные патеры, въ горницѣ рядомъ лежитъ господинъ, которому очень плохо; у него внутреннее поврежденіе и очень можетъ быть, что онъ умретъ. Онъ желаетъ принять святое причастіе.

Въ эту минуту отворилась дверь той комнаты, и стройная, молодая дѣвушка сдѣлала шагъ въ залъ.

— Прошу, умоляю одного изъ патеровъ поскорѣй пойти къ отцу! Онъ такъ проситъ духовника, сказала она, полная тревоги.

— Марія! позвалъ ее больной, и она поспѣшила обратно. Патеръ Грегоръ послѣдовалъ за нею и затворилъ дверь. Я подошелъ къ раненому и сталъ около него на колѣни, вдругъ раздался въ сосѣдней комнатѣ крикъ испуга, такой ужасный, такой дикій, что меня точно ударили ножемъ по сердцу. Дверь распахнулась:

— Патеръ! сюда, сюда! громко кликнула Марія.

Я вошелъ, и увидалъ человѣка, сидящаго на постелѣ, онъ упирался на свои руки, съ выраженіемъ страшнаго ужаса въ лицѣ. Глаза его расширились и вперились на патера Грегора и съ блѣдныхъ искривленныхъ судорогой устъ вырвались съ усиліемъ слова:

— Ужасное привидѣніе, исчезни! Зачѣмъ вышелъ ты изъ гроба? теперь, въ эту минуту?

Настоятель спокойно, какъ скала, стоялъ и не отводилъ глазъ отъ лица дрожащаго человѣка, до тѣхъ поръ, пока тотъ не изнемогъ, будто подъ вліяніемъ чаръ, и не упалъ назадъ на свои подушки. Тогда пріоръ повернулся ко мнѣ и произнесъ:

— Патеръ Іозіасъ, примите вмѣсто меня исповѣдь этого человѣка!

И, молча, поклонясь Маріи, вышелъ изъ комнаты. Холодная дрожь пробѣжала мнѣ по тѣлу.

Я все еще стоялъ, какъ прикованный, когда Марія тронула меня за руку и тихо спросила:

— Патеръ! что это такое было? ради Бога, останьтесь при отцѣ и при мнѣ. Мнѣ страшно!

И она съ умоляющимъ порывомъ пожала мнѣ руку и умоляющимъ взглядомъ, смотрѣла въ мои глаза; взглядъ ея проникнулъ глубоко—въ самое сердце мое.

— Будьте спокойны, я останусь здѣсь, отвѣчалъ я, освобождая свою руку и подходя къ ея отцу. Глаза его были закрыты и я спросилъ:

— Можете-ли вы мнѣ отвѣчать?

Онъ открылъ глаза и съ испугомъ взглянулъ на меня.

— Гдѣ же тотъ... ушелъ?

— Да; дочь ваша и я только при васъ; больше никого нѣтъ.

— Кто же былъ этотъ другой? привидѣніе?

— Нѣтъ, онъ человѣкъ и капуцинъ, какъ я.

— Капуцинъ!

Глухъ былъ голосъ, которымъ больной произнесъ это слово.

РУССКА... АЛЕРЕЯ.

КАРТИ... ѢДОВА.

Гравировано на дерев... ской политипажнѣ».

— Если вы чувствуете себя достаточно сильнымъ, чтобы говорить, я готовъ выслушать вашу исповѣдь. Или, можетъ быть, вы желаете отложить ее до завтра?

— Нѣтъ, я могу умереть.

Марія стояла у изголовья и рыдала, закрывъ лицо тонкими, узкими руками.

— Марія, удались! сказалъ ей отецъ.—Я буду готовиться къ смерти.

— Отецъ, отецъ, не умирай! воскликнула она и, ломая руки, вышла въ прилегающую комнату.

Гроза унималась; тихій, удаляющійся громъ перекатными волнами уходилъ за облака. Я поставилъ лампу въ сторону, сѣлъ къ кровати и сотворилъ молитву. Потомъ, закрывъ лицо платкомъ, спросилъ:

— Въ чемъ обвиняешь себя?

То, въ чемъ этотъ человѣкъ сознался мнѣ въ тотъ часъ, пусть остается тайной между Богомъ, имъ и мной.

Получивъ отпущеніе въ грѣхахъ и святое елеосвященіе, онъ сталъ спокойнѣе и заснулъ. Я всталъ и потихоньку постучался въ дверь сосѣдней комнатки. Марія вошла къ намъ, ея глаза были красны отъ слезъ; она посмотрѣла на отца.

— Онъ спитъ, тихо сказалъ я, — если вы хотите, я останусь здѣсь и посижу надъ нимъ ночь; сами же лягте и отдохните

— Патеръ, извините, какъ ваше имя?

— Іозіасъ.

— О, патеръ Іозіазъ, останьтесь здѣсь и позвольте мнѣ тоже посидѣть надъ нимъ вмѣстѣ съ вами.

Я пододвинулъ себѣ стулъ къ изголовью кровати. Марія сѣла къ столу и оперла голову на руку. Естественное направленіе моихъ глазъ было въ ея сторону. Лучъ отъ лампы падалъ на ея темныя волосы и кроткій профиль; глаза ея черные, волшебные, жгучіе, скрывали свое пламя за усталыми вѣками. Я сидѣлъ между грѣхомъ и невинностью, а патеръ Грегоръ въ эту ночь одиноко шествовалъ къ монастырю и взбирался по утесу, съ высоты котораго онъ когда-то бросилъ свое презрѣніе въ лицо всему міру. Что теперь происходило въ его душѣ?

Марія подняла голову:

— Патеръ Іозіасъ, отчего мой отецъ такъ испугался другого монаха?

— Вашъ отецъ не говорилъ мнѣ этого, но я

предполагаю, что блѣдность лица и большіе темные глаза патера Грегора напугали его.

— Однако, возразила она, — вы тоже блѣдны и у васъ большіе темные глаза и отецъ не боится васъ.

— Можетъ быть, запинаясь, проговорилъ я,— это потому, что я еще молодъ.

Она сострадательно взглянула мнѣ въ лицо послѣ моего глупаго отвѣта и взглядъ ея убилъ во мнѣ всѣ тѣ молитвы, которыя я долженъ бы былъ произнести за ея отца.

— Давно-ли вы капуциномъ, патеръ Іозіасъ?

— Уже восемь лѣтъ.

— Восемь лѣтъ! во мнѣ тоже было желаніе поступить въ монастырь, но моя мать, которой уже болѣе нѣтъ на свѣтѣ, говорила мнѣ, что въ монастырѣ всѣ несчастны. А вы, патеръ Іозіасъ, вы счастливы?

О, пытка! что долженъ былъ я ей отвѣтить.

— Извините, сказалъ я ей, вставая со стула— я пойду смотрѣть, что дѣлаютъ другіе пострадавшіе.

Раненыхъ нашелъ я въ лихорадочномъ состояніи, они метались, пока я былъ съ ними, къ отцу Маріи пошелъ лекарь. Марія была еще очень молода и я надѣялся, что она не отгадаетъ причины моего удаленія. Вернувшись, докторъ сказалъ, что надѣется спасти ея отца. Утро забрезжило, я вернулся въ комнату; Марія заснула, положивъ голову на руку. То, что произошло въ душѣ моей, не можетъ ни понять, ни почувствовать никто, кто самъ не былъ монахомъ. Я тоже не могу этого выразить, но чувство это было свято, сладко и ужасно. Иногда больной просыпался и я тогда подавалъ ему пить; Марія также проснулась и покраснѣла, увидавъ меня. Медленно подойдя къ отцу, она наклонилась надъ нимъ.

— Думаете-ли вы, патеръ Іозіасъ, что отецъ мой долженъ умереть?

— Возможно, что онъ умретъ, но болѣе вѣроятія, что онъ останется жить.

— А если усердно, очень усердно будешь молиться о сохраненіи чьей-нибудь жизни,—будетъ-ли молитва тогда услышана?

Марія, Марія, что за вопросы дѣлаешь ты мнѣ! Я опустилъ глаза и отвѣтилъ:

— Да, если это намъ на пользу.

— Но, патеръ Іозіасъ, смерть отца была бы несчастіемъ для меня; какъ же могла бы она послужить мнѣ въ пользу?

— Мы этого знать не можемъ. Господь мудрѣе насъ.

Она задумалась.

— Я не благочестива, не правда-ли? сказала она, робко взглянувъ на меня. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы меня тоже исповѣдовали, когда отцу станетъ немного лучше.

Меня затуманило.

— Не хотите-ли теперь лечь отдохнуть? спросилъ я и испугался жесткаго тона моего голоса.

Марія тоже испугалась и, сложивъ руки, прошептала:

— О, не сердитесь на меня, патеръ Іозіасъ! Я еще никогда не имѣла такого удивительнаго довѣрія къ духовному лицу, какъ къ вамъ. Не сердитесь, что я такъ много говорю съ вами; это такъ огорчило бы меня. Я вѣдь не знала, что нельзя говорить съ капуцинами!

— Съ нами можно говорить, тихо сказалъ я, пряча дрожащія руки мои въ рукава рясы.

— Я ухожу теперь. Если отецъ меня спроситъ, то постучитесь ко мнѣ, патеръ Іозіасъ.

И она пошла въ сосѣднюю горницу и тихонько затворила за собой дверь.

(*Окончаніе слѣдуетъ.*)

Народы Россіи.

(Этнографическіе очерки.)

Ст. С. С. Шашкова.

(*Продолженіе.*)

X.

Сибирскіе самоѣды *).

«На восточной сторонѣ, за югорскою землею, надъ моремъ, живутъ люди молонгозен, самоѣдь зовозмы, а ядь ихъ рыба, да мясо, да головы оленьи, да промежъ себя другъ друга ѣдятъ. А гость къ нимъ откуда придетъ, и они дѣти свои заколаютъ для гостей, да тѣмъ кормятъ, а своихъ также». Такъ русскій этнографъ XVII в. описываетъ бытъ сибирскихъ самоѣдовъ, сообщая между прочимъ, что зимою въ самоѣдской землѣ стоятъ такіе холода, что люди замерзаютъ вплоть до весны. Самоѣды дѣйствительно разбросаны преимущественно на крайнемъ сѣверѣ, въ туруханскомъ краѣ и березовскомъ округѣ, живутъ главнымъ образомъ оленями и рыболовствомъ, но нѣкоторые остатки ихъ племени живутъ и гораздо южнѣе, какъ, напр., сойоты въ нижнеудинскомъ округѣ, камышинцы въ красноярскомъ, енисейскіе остяки и юраки въ енисейскомъ и т. д. Къ самоѣдамъ же принадлежало и вымершее племя аринцовъ, послѣднихъ 5 представителей котораго видѣлъ Кастренъ въ 1849 г. Всѣ эти вымершіе и вымирающіе остатки самоѣдскаго племени утвердились на нынѣшнихъ мѣстахъ ихъ жительства со времени переселенія самоѣдовъ съ юга на сѣверъ, съ Алтая въ приморскія тундры. Это переселеніе совершилось подъ напоромъ татарскихъ племенъ, которыя оттѣсняли ихъ все далѣе и далѣе, занимая сами прежнія мѣста ихъ жительства. Одну часть самоѣдовъ татары гнали внизъ по Енисею, другую внизъ по Оби. Въ настоящее время самоѣдовъ считается въ Сибири до 10,000 человѣкъ, хотя число ихъ въ точности опредѣлить невозможно, такъ какъ нѣкоторые роды откочевываютъ въ такую глубь сѣвера, что полиціи нѣтъ никакой возможности услѣдить за ними. Самоѣды гораздо сильнѣе и энергичнѣе остяковъ; занимаясь оленеводствомъ, звѣроловствомъ и отчасти рыбною ловлею, они не до такой степени закабалились купцамъ, какъ остяки и даже до послѣдняго времени сохранили нѣкоторую наклонность къ воинственности, которая обнаружилась, напр., въ бунтѣ Ваули Піеттомина. Сначала Піеттоминъ съ своею шайкою долго бродилъ около Урала, занимаясь разбоями и отгономъ оленей. Въ 1839 году онъ былъ схваченъ березовскою земской полиціей, наказанъ плетьми и сосланъ въ самую отдаленную волость Сургутскаго поселенія. Но пробывъ здѣсь не болѣе двухъ мѣсяцевъ, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Майри Ходакымъ. Занявшись снова разбоями, онъ въ то же время запасался разнымъ оружіемъ — луками, копьями, винтовками и большими ножами. Склонивъ на свою сторону самоѣдовъ, онъ обѣщалъ имъ, что понизитъ цѣны на всѣ продаваемые купцами припасы, что вмѣсто взимаемаго въ казну ясака въ 2 песца, онъ установитъ по одному и будетъ повелителемъ всей сѣверной стороны Урала. Вскорѣ около него собралось 400 вооруженныхъ инородцевъ. Съ ними онъ отправился въ январѣ 1841 г. на оленяхъ къ Обдорску. За сутки ѣзды до города, бунтовщики остановились и задерживали всѣхъ самоѣдовъ, ѣхавшихъ въ Обдорскъ на ярмарку и для взноса ясака. Піеттоминъ смѣнилъ въ то же время обдорскаго князька, назначивъ на его мѣсто остяка Муржана. Всѣ жители Обдорска были въ страхѣ. Исправникъ Скорняковъ, для разузнанія о числѣ и вооруженіи бунтовщиковъ, отправилъ къ нимъ мѣщанина Нечаевскаго, хорошо знакомаго и съ мѣстностью и съ инородцами. Нечаевскій встрѣтилъ бунтовщиковъ за 150 в. отъ Обдорска и былъ ласково принятъ ими. Онъ сказалъ Піеттомину, что въ городѣ ничего не знаютъ объ его замыслахъ и звалъ его къ себѣ въ гости. Шайка отправилась вмѣстѣ съ Нечаевскимъ на 80 нартахъ. За 25 верстъ до Обдорска имъ встрѣтился обдорскій князекъ; Піеттоминъ началъ его ругать и хотѣлъ бить бывшихъ при немъ оленьимъ рогомъ, но былъ удержанъ отъ этого Нечаевскимъ. Князекъ кланялся въ ноги Піеттомину, цѣловалъ у него руки и обѣщалъ ему дань. 14 января вся шайка прибыла въ Обдорскъ и Піеттоминъ остановился въ домѣ князька. Въ то время, какъ его угощали здѣсь, исправникъ съ казаками и торговцами напалъ на шайку и разогналъ ее. Потомъ схватили и самого Піеттомина. Шесть главныхъ виновниковъ были тотчасъ закованы въ кандалы и отправлены въ Березовъ. На слѣдственныхъ допросахъ открылось, что они были намѣрены ночью напасть на Обдорскъ, зажечь церковь и идти по домамъ колоть русскихъ и, разграбивъ всѣ дома, уйти за рр. Тазъ и Енисей. Піеттоминъ и главные его соучастники сосланы въ В. Сибирь на каторгу. Самоѣды вообще не робки, а родовые князьки ихъ или старшины стараются держать себя какъ истые аристократы, даже передъ русскими чиновниками. Миддендорфъ передаетъ слѣдующую сцену: «Его степенство, импонировавшее ростомъ своимъ въ 5 футовъ (слѣдовательно великанъ между карликами), изволило принять меня въ чумѣ съ такимъ чувствомъ собственнаго достоинства, что мнѣ къ счастью легко было не расхохотаться. Слѣва, въ глубинѣ чума, разложена была для меня шкура сѣв. оленя. Справа, но нѣсколько позади его, усѣлась весьма невзрачная супруга его; на лѣво отъ него, т. е. между нами обоими, усадили переводчика. Съ достоинствомъ, не хуже любыхъ европейскихъ владыкъ, Латуранта сталъ расспрашивать меня о новостяхъ всемірнаго города, которымъ на этотъ разъ оказывался Туруханскъ. Онъ настойчиво допытывался, на сколько справедливъ слухъ о томъ, что на Тунгускѣ появилась оспа, наконецъ, вынулъ недавно полученную имъ бумагу, т. е. предписаніе начальства, и попросилъ меня истолковать ему пустое содержаніе этой бумаги. На вопросъ, что же ему собственно слѣдуетъ дѣлать, я передалъ его степенству иголку и показалъ ему, какъ такого рода бумаги, если бы онѣ еще стали поступать къ нему, нужно нанизывать одну на другую на нитку, присовокупивъ, что этимъ онъ исполнитъ долгъ хорошаго вѣрноподданнаго. Здравому природному уму его степенства угодно было разразиться такимъ козлиноголосымъ смѣхомъ, что я слышу его, чудится онъ мнѣ до сихъ поръ. Оправившись нѣсколько, онъ вынулъ, изъ обитаго жестью ящика, квитанціи въ уплатѣ ясака, которыя имъ тщательно сберегались. Потомъ онъ подкрѣпилъ себя ржаными лепешками, которыя жена его сняла съ огня, и начался судъ. Выступилъ истецъ и съ разстановкою сталъ излагать свое дѣло. Старшина отвѣчалъ, растягивая послѣднія слоги словъ. Неоднократно мнѣ слышалось протяжное *а-о*. Разинувъ рты, всѣ въ благоговѣйной тишинѣ прислушивались къ приговору оракула. Между тѣмъ у судьи языкъ неожиданно развязался: какъ мельничное колесо, уста его быстро съ крикомъ извергали рядъ словъ и вдругъ замолкли. Судья, такъ объяснилъ мнѣ переводчикъ, приказалъ истцу пока пріостановить искъ за отсутствіемъ отвѣтчика. Дѣло шло о какомъ-то мнимомъ обманѣ. По окончаніи своихъ владѣтельскихъ обязанностей, его степенство изволило обогрѣться рюмкою водки, которая развязала его языкъ и побудила его вступить со мною въ непринужденную бесѣду».

Еще болѣе чуждые, чѣмъ остяки, вліянію русской культуры, самоѣды ведутъ совершенно ди-

*) О самоѣдахъ архангельской губ., будемъ говорить особо.

кую жизнь, поклоняются разнымъ фетишамъ и душамъ предковъ, безусловно вѣруютъ въ силу своихъ шамановъ или тадибовъ, о которыхъ разсказываются чудеса въ ихъ сказкахъ. Вотъ, напр., самоѣдская сказка, отлично рисующая чудотворныя способности шамановъ. Въ одной деревнѣ стояло 700 чумовъ; въ семисотомъ чумѣ играли и спорили дѣти. Одни говорили: «у насъ самые лучшіе тадибы», а другіе отвѣчали: «нѣтъ, наши тадибы лучше!» Во время этого спора въ другомъ чумѣ начали спорить и сами тадибы. Они спорятъ и спорятъ и каждый считаетъ себя лучше другого. Наконецъ, одинъ изъ нихъ говоритъ: «тотъ тадибъ, кто можетъ поставить луну на своей ладони!»—«Этого никто не можетъ сдѣлать», отвѣчаетъ второй тадибъ. — Докажи, что тебѣ по силамъ это». Первый тадибъ ставитъ луну на свою ладонь. И стоитъ луна на ладони, а въ чумѣ дѣлается холодно, такъ холодно, что люди никакъ не могутъ защититься отъ мороза. Раскладываютъ огонь, надѣваютъ на себя малицы и совики, но все-таки мерзнутъ. Второй тадибъ упрашиваетъ перваго, чтобы онъ поставилъ луну на свое мѣсто. Онъ ставитъ ее на небо. Тадибы снова начинаютъ споръ. Худшій изъ нихъ все еще выдаетъ себя за равнаго тому, который снималъ луну и снова поставилъ ее на небо. Лучшій говоритъ: «тотъ не тадибъ, кто не можетъ взять солнца въ свою ладонь». — «А ты можешь это сдѣлать?»—«Могу», и лучшій тадибъ ставитъ солнце на ладонь свою. Настаетъ такой жаръ, что люди начинаютъ умирать отъ него. Тадибъ снова ставитъ солнце на небо. Затѣмъ по предложенію лучшаго тадиба, оба соперника превращаются въ гусей и улетаютъ на морской островъ, гдѣ каждый изъ нихъ устрояетъ себѣ чумъ. Приходитъ весна. Худшій тадибъ говоритъ лучшему: «соберемъ-ка себѣ женокъ, какъ другіе гуси».— «Это не годится, отвѣчаетъ другой, — ибо если мы соберемъ женокъ, то у насъ будутъ дѣтеныши, а въ такомъ случаѣ насъ поймаютъ. Полетимъ дальше, — вѣдь мы скоро потеряемъ крылья, а это мѣсто небезопасно». Они перелетѣли на рѣку, покрытую гусями. День и ночь гуси поочередно держали караулъ. Пришла очередь тадибамъ. Стоитъ на стражѣ худшій изъ нихъ; приходитъ охотникъ, одноглазый самоѣдъ, съ собакою, которая бѣгаетъ на трехъ ногахъ, и убиваетъ много гусей. Тадибу сторожу собака укусила носъ. Но лучшій тадибъ три раза освобождаетъ его отъ этой собаки. Собака гонитъ гусей все дальше, и дальше, а рѣка становится все уже и наконецъ такою мелкою, что гуси не могутъ уже болѣе нырять. Оба тадиба обратившись въ утокъ, выходятъ на берегъ, бѣгутъ по землѣ, плывутъ по морю и выходятъ на островъ. Здѣсь худшій начинаетъ ѣсть траву, а лучшій— мохъ, отчего у перваго выросли скоро крылья, а послѣдній остался безъ нихъ; первый перелетѣлъ на другой островъ, превратился здѣсь къ нырка и вывелъ дѣтей; пришли дѣти и убили его. А лучшій тадибъ, послѣ разлуки съ своимъ соперникомъ, началъ ѣсть траву, отчего у него выросли большія крылья; онъ улетѣлъ на родину и снова сдѣлался человѣкомъ.

О нравственныхъ понятіяхъ самоѣдовъ и общественной жизни ихъ даетъ довольно хорошее понятіе слѣдующая сказка, переведенная нами съ сокращеніями изъ кастреновскаго собранія самоѣдскихъ сказокъ. На одной рѣкѣ жили старикъ да старуха, самоѣды. Выше по рѣкѣ жили въ горахъ остяки, у нихъ было много юртъ цѣлая деревня. Старикъ жилъ совсѣмъ бѣдно, не было у него ни ружья, ни сѣтей, а всего одинъ топоръ. Однажды вечеромъ послѣ ужина онъ вышелъ изъ шалаша и, увидѣвъ бѣгавшихъ по снѣгу куропатокъ, бросилъ въ нихъ полѣномъ, но не попалъ. Куропатки начали говорить: «чѣмъ убивать насъ, убей лучше свою жену; ты бѣденъ, убей жену—и будешь богатъ». Старикъ взялъ топоръ, вошелъ въ юрту и убилъ жену, но самъ заплакалъ: «что я надѣлалъ! Зачѣмъ я убилъ ее? Всю жизнь мы прожили вмѣстѣ, и теперь я убилъ ее!» Всю ночь плакалъ старикъ. Пришло утро, онъ посадилъ покойницу на санки, какъ живую, и повезъ ее вверхъ по рѣкѣ, въ деревню, въ которой жилъ остяцкій князь. Оставивъ трупъ на улицѣ, старикъ пошелъ къ князю, у котораго было двѣ дочери. Князь накормилъ и напоилъ его водкой. «Вотъ, сказалъ старикъ, я здѣсь наѣлся и напился, а бѣдная жена пожалуй совсѣмъ замерзла въ саняхъ».—«Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, старикъ, что твоя жена здѣсь, вѣдь долго-ли замерзнуть», сказалъ князь и велѣлъ своимъ дочерямъ сходить за старухой. Дѣвушки побѣжали и торопливо дернули сани, которые старикъ нарочно поставилъ на самомъ краѣ полыньи, трупъ свалился въ воду и утонулъ. Старикъ живетъ у князя, плачетъ день и ночь причитая о потерѣ жены. Князь и говоритъ: «мои уши не выносятъ твоего плача, возьми вмѣсто старухи мою старшую дочь». Справили свадьбу, князь поставилъ старику особую юрту. Скоро у него родился сынъ, князь былъ сильно радъ, устроилъ пиръ, ѣли и пили водку и всѣ были уже пьяны, а князь и старикъ все еще продолжали пить. Наконецъ, свалился и князь, а старикъ началъ кричать: «я одинъ держусь на ногахъ, всѣ лежатъ, хотя мы и пили поровну. Эти люди никуда не годятся. Я убилъ жену, и все-таки я лучше ихъ всѣхъ. Я живу въ богатствѣ съ тѣхъ поръ какъ убилъ жену! Младшая дочь князя услышала это и спросила: «ужели ты убилъ жену?» Старикъ бросился на дѣвушку и нанесъ ей такой ударъ, что она сдѣлалась безъ языка. Утромъ гости отправились домой и старикъ тоже. Дѣвушка же все не можетъ ни говорить, ни ѣсть и начинаетъ умирать. Князь позвалъ старика, не можетъ-ли онъ помочь горю, и послалъ его за знахаркой остячкой, матерью семи братьевъ, жившихъ недалеко. Старикъ привезъ къ больной остячку, и она начала шаманить, но старикъ незамѣтно для другихъ умертвилъ ее, воткнувъ ей въ ухо деревянный гвоздь. Князь, узнавъ объ ея смерти, страшно испугался мести остяковъ и говоритъ старику: «я отдамъ тебѣ половину имущества, только отвези старуху къ ея сыновьямъ и сдѣлай такъ, чтобы они не нападали на меня». Старикъ посадилъ старуху, какъ живую, въ сани и повезъ. Дорога шла дремучимъ лѣсомъ. Два самоѣда стрѣляютъ изъ луковъ по бѣлкѣ, но не могутъ попасть. Старикъ останавливается, беретъ свои стрѣлы и говоритъ: «какъ вы плохо стрѣляете, дайте-ко я попробую». Между тѣмъ онъ уже воткнулъ въ ухо старухинаго трупа свою стрѣлу. Самоѣды продожаютъ стрѣлять. «Что вы дѣлаете, кричитъ старикъ,— вы убили мать семи остяковъ, смотрите,—стрѣла въ одно ухо вошла, въ другое вышла!» Самоѣды увидѣли, что старикъ говоритъ правду и, посовѣтовавшись между собой, пошли къ князю просить помилованія, но князь отослалъ ихъ къ остякамъ вѣдаться съ ними, какъ они знаютъ. Самоѣды начали просить старика отвести къ остякамъ трупъ старухи, обѣщая ему за это лисицъ, соболей, сала, одежду. Старикъ согласился, дорогой вынулъ у старухи стрѣлу и, воткнувъ ей въ ухо древесный сукъ, объяснилъ ея сыновьямъ, что хозяинъ далъ ему бѣшеныхъ собакъ, онѣ потащили по лѣсу и старуха наткнулась на сукъ. Благополучно отдѣлавшись отъ остяковъ, старикъ получилъ отъ самоѣдовъ цѣлыя сани лисицъ и соболей, и другія сани, полныя разнаго платья. И зажилъ онъ снова съ княземъ. Между тѣмъ, младшая дочь послѣдняго все еще лежитъ при смерти. «Вылечи дочь и женись на ней», говоритъ князь. — «Принеси ее ко мнѣ, я попробую», отвѣчаетъ старикъ. Князь принесъ къ нему дочь и самъ ушелъ; дѣвушку положили за занавѣской и не велѣли никому ходить къ ней.. Вдругъ услышали, что дѣвушка закричала, но никто не посмѣлъ войти къ ней... Послѣ этого, она стала говорить, вышла за старика и никогда не сказала ни слова о томъ, что онъ дѣлалъ съ нею... Растутъ у старика два сына, одинъ отъ старшей сестры, другой отъ младшей. Однажды старикъ выпросилъ у князя лодку, поплылъ на свое старое пепелище, гдѣ онъ убилъ свою первую жену. Пришелъ онъ въ сосѣднюю деревню, всѣ узнали его, начали распрашивать, гдѣ онъ жилъ и что слышно новаго. «Говорятъ, что обдорскіе самоѣды придутъ грабить насъ, отвѣчалъ старикъ,—надо спасаться».—«Какъ же спасаться?» — «Выкопайте, отвѣчалъ онъ, двѣ большія ямы и спрячьте въ одну все имущество, прикрывъ ее срубленными деревьями и землей, а въ другую сядьте сами». Самоѣды такъ и сдѣлали, а старикъ, засыпавъ ихъ землей, отправился домой. Прожилъ онъ дома нѣсколько времени, снова выпросилъ у князя три лодки, взялъ своихъ женъ, сыновей, все имущество и поплылъ на то мѣсто, гдѣ онъ схоронилъ живыми своихъ сосѣдей. Старикъ разрылъ одну яму и вынулъ изъ нея множество лисицъ, соболей, горностаевъ, денегъ, платья и т. д. Всѣ амбары были набиты этимъ имуществомъ до верху. «Все это ваше, сказалъ старикъ семейству. — Я уже старъ, скоро умру, и послѣ моей смерти дѣлайте, что хотите съ тѣмъ, что я накопилъ для васъ». Мораль ясна: не плошай!..

Женщина у самоѣдовъ находится въ такомъ же угнетенномъ состояніи, какъ и у остяковъ, мужъ помыкаетъ ею, какъ хочетъ, угощаетъ ею друзей, отдаетъ ее въ наемъ. Всѣ домашнія работы, всѣ хозяйственныя хлопоты лежатъ на ней. Дѣло доходитъ до того, разсказываетъ Миддендорфъ, что пріятель мой Тойчумъ, князецъ асинскихъ самоѣдовъ, при всемъ уваженіи, которое онъ мнѣ оказывалъ, все-таки, считалъ меня и моихъ спутниковъ весьма несчастными людьми, находившимися въ неслыханной бѣдѣ, потому что обязаны были заботиться о своемъ хозяйствѣ. Указавъ мѣсто привала и отпустивъ сѣверныхъ оленей, везшихъ его, онъ не выходилъ изъ своихъ саней. Какъ онъ, такъ и остальные мужчины орды сидѣли совершенно равнодушно, преисполненные чувствомъ собственнаго достоинства, не шевеля ни однимъ пальцемъ, хотя женщины въ это время выбивались изъ силъ и иной разъ казалось сомнительнымъ, удастся-ли имъ, при установкѣ шалашей, совладать съ свирѣпою борьбою мощныхъ стихій. Распредѣленіе труда въ тундрѣ разграничено, правда, до того, что женщина никогда не смѣетъ входить въ лодку. Какъ бы свирѣпо погода ни бушевала, женщина, уставивъ сначала шалашъ, должна отправиться за льдомъ для котла, должна набрать охабку кроющихся подъ снѣгомъ малорослыхъ ивъ, самое жалкое изъ всѣхъ топливъ, или расколоть на дрова привезенные пни. Кончилась стряпня, начинаются безустальное няньчанье дѣтей, выколачиванье, сушка и починка сильно поврежденныхъ стѣнокъ чума, одежды, а въ особенности обуви, заготовленіе впрокъ рыбы, мяса на безконечно долгую зиму и т. д. Каждая свободная минута употребляется на дубленіе и отдѣлку шкуръ. Едва горитъ огонекъ среди зимней полярной ночи; чадъ и дымъ вылетаютъ изъ полусухаго, гнилого топлива и затемняютъ свѣтъ въ чумѣ. Слезы безостановочно струятся изъ воспаленныхъ глазъ, а женщина сидитъ лицомъ къ огню, выкраиваетъ лоскутокъ за лоскуткомъ по красивому узору, сортируетъ волосы по цвѣтамъ, прицѣпляетъ разныя мелкія привѣсочки и кисточки, краситъ и шьетъ, сшиваетъ и вышиваетъ, нанизываетъ бисеринку за бисеринкой на самодѣльныя нитки, которыя она съумѣла расщепить и спрясть изъ сухихъ жилокъ сѣвернаго оленя. Вся довольно

КАРТИНА В. П. ВЕРЕЩАГИНА.

Итальянки.

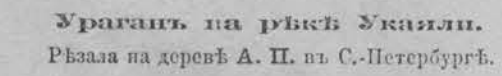
Рѣзано на деревѣ по рисунку П. Чистякова въ «Варшавской политипажнѣ».

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА РІУ.

Ураганъ на рѣкѣ Укаяли.

Рѣзала на деревѣ А. П. въ С.-Петербургѣ.

сложная одежда самоѣда, вся домашняя утварь выдѣлываются женщинами, достигшими, напр., въ дубленіи шкуръ замѣчательнаго совершенства. Недостатокъ желѣза женщины замѣнили при дубленіи отчасти прилежаніемъ и терпѣніемъ въ механической обработкѣ. Европейскій техникъ, пожалуй, станетъ смѣяться надъ этимъ, но увидѣвъ, какъ печень сѣвернаго оленя, а затѣмъ и мозгъ да желтокъ отъ яицъ морскихъ птицъ сперва тщательно пережевываются мастерицами, при этомъ усердно смачиваются слюною и потомъ уже употребляются при натираніи и слѣдующемъ за нимъ распариваніи шкуръ, не нужно обладать физіологическими познаніями, чтобы признать важное значеніе чрезвычайно разрѣшающаго дѣйствія слюны при этомъ производствѣ. Участіе, которое наслюниваніе принимаетъ въ перевареніи пищи, въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ успѣху дубленія. Шкуры смазываются пережеванною кашицею, свертываются и въ такомъ положеніи, въ видѣ подушекъ, — очевидно для нагрѣванія, необходимаго для броженія, — остаются нѣсколько дней. Затѣмъ со шкуры все соскабливаютъ, въ случаѣ надобности снова смазываютъ ее, опять предоставляютъ броженію и т. д.»

Утварь и одежда самоѣдовъ вообще очень красивы, разнообразны и даже вполнѣ соотвѣтствуютъ нѣсколько воинственному характеру этого племени. Говоря, напр., объ енисейскихъ самоѣдахъ, Миддендорфъ такъ описываетъ ихъ нарядъ: «Одѣтые съ головы до ногъ въ превосходныя двойныя мѣховыя рубахи, они являлись какъ бы броненосцами, мѣдные снѣговые очки казались забраломъ, а огромный пришитый башлыкъ надежнымъ шлемомъ, который по временамъ откидывается назадъ и обнаруживаетъ находящіяся подъ нимъ и тѣсно прилегающіе къ головѣ шапочки (изъ нѣжныхъ телячьихъ шкурокъ). Богатый мѣдный поясъ вожака, неизмѣнное копье въ 3 саж. длины, для управленія сѣверными оленями, висящій рядомъ лукъ на саняхъ, и лыжи подъ исподомъ саннаго сидѣнія дополняютъ вооруженіе. Впечатлѣніе это усиливалось какъ бы военнымъ порядкомъ и однообразіемъ вооруженія. Большею частью, они сидѣли на саняхъ, поджавъ подъ себя обѣ ноги, или держа одну изъ нихъ наготовѣ на полозьяхъ». Изъ самоѣдской утвари можно указать еще на спальные мѣховые мѣшки, въ которыхъ тепло спать даже на улицѣ при 40° R. «Гдѣ у насъ не было, говоритъ тотъ же путешественникъ, приготовленныхъ такимъ образомъ мѣховыхъ мѣшковъ, тамъ мы спасались только тѣмъ, что ложились по два, антиподами другъ къ другу, пряча ноги до туловища одинъ въ рубашкообразномъ тулупѣ (сокуй) другого, вслѣдствіе чего эти тулупы смыкались и составляли одинъ общій мѣшокъ. Это напоминаетъ общій обычай предковъ спать вдвоемъ въ одномъ мѣшкѣ».

Грубость самоѣдскаго быта значительно смягчается тѣмъ чувствомъ общиннаго братства, которое мы видѣли уже у остяковъ и другихъ инородцевъ и на которое такъ негодуетъ въ своемъ «Путешествіи» академикъ Миддендорфъ. Голышъ живетъ насчетъ богача, а богачъ, у котораго нѣсколько тысячъ сѣверныхъ оленей, и который, по нашимъ понятіямъ, капиталистъ, живетъ не лучше любого нищаго земляка своего. А все-таки богачъ имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что въ плохія времена онъ не умретъ съ голода, потому что при всемъ первобытномъ гостепріимствѣ являются и для нихъ нѣкоторыя и притомъ весьма тѣсныя ограниченія, какъ скоро распространится паника всеобщаго бѣдствія и голодная смерть грозитъ прикрыть своимъ саваномъ не только того или другого, а цѣлыя племена. Стада самаго богатаго хозяина быстро уменьшаются, какъ только началось бѣдствіе и кто въ нынѣшнемъ году насчитываетъ нѣсколько тысячъ головъ, у того на слѣдующій годъ, можетъ быть, не будетъ ни одной, если наступитъ безпощадный падежъ. Несмотря на такія превратности судьбы, самоѣды и якуты обозначаютъ качества «бѣдный» и «дурной» однимъ и тѣмъ же словомъ. До какой степени въ нашемъ общественномъ строѣ многое обусловливается только условнымъ приличіемъ, это вскорѣ можно подмѣтить въ самоѣдскомъ чумѣ: гдѣ 18 человѣкамъ обоего пола, да еще нѣсколькимъ гостямъ, собакамъ, разнымъ приборамъ, очагу и т. д. приходится умѣститься въ чумѣ, имѣющемъ 3 саж. въ поперечникѣ, и непогода часто нѣсколько дней сряду не позволяетъ выходить изъ чума, гдѣ, кромѣ необходимости самымъ тщательнымъ образомъ осушать нижнее платье, насѣкомыя заставляютъ при каждомъ случаѣ снимать тулупъ; какъ только огонь въ чумѣ разгорится сильнѣе, тамъ не можетъ быть рѣчи о стыдливости въ европейскомъ смыслѣ. Что въ этомъ отношеніи дѣти кочевниковъ нѣсколько опередили деревенскую молодежь Европы, это само собою разумѣется. «Меня, говоритъ Миддендорфъ, удивилъ оригинальный способъ выговора, сдѣланнаго мнѣ самоѣдомъ. Нашъ чумъ былъ наполненъ гостями, которыхъ я угощалъ чаемъ. При коверканіи языка я, говоря о дочери главнаго гостя, стоявшей возлѣ него, сдѣлалъ промахъ и произнесъ слово сынъ. Не долго думая, отецъ отдернулъ занавѣсъ, чтобы зоологически наглядно доказать мнѣ передъ всей почтенной компаніей, на сколько жестоко я ошибаюсь». На перекоръ же сказанному отсутствію стыдливости, горе той самоѣдской дѣвушкѣ, которая, перемѣняя обувь, выкажетъ босую ногу. Самоѣдка покраснѣетъ до такой степени, что волненіе ея просвѣчиваетъ даже сквозь слой грязи въ палецъ толщины. Это проявленіе краски и чувство, служащее ему основой, весьма естественно и неразрывно связано съ неугомоннымъ біеніемъ сердца. Эта стыдливость, относительно ногъ, совершенно условна, и ничуть не менѣе условна, чѣмъ наше отвращеніе отъ лошадинаго мяса. Не имѣя нашихъ обычаевъ и приличій, самоѣды имѣютъ множество своихъ, которыми, можно сказать, окована вся ихъ жизнь. «Болѣе всего опасны, говоритъ Миддендорфъ, отношенія всего священнаго къ женщинамъ, которыхъ положительно считаютъ нечистыми. Живо припоминаю выраженіе ужаса на лицѣ моего пріятеля Тойчума, которое я не умѣлъ разъяснить себѣ. Въ пылу наблюденій я положилъ свой шмалькальденскій компасъ на сани, чтобы удобнѣе занести въ дневникъ градусы, которые онъ показывалъ. «Женскія сани, воскликнулъ Тойчумъ, ты ужасно грѣшишь въ отношеніи къ твоему идолу!» Чтобы успокоить пріятеля, мнѣ пришлось совершить надъ моимъ компасомъ систематическія очистительныя церемоніи, точно какъ будто я находился въ Римѣ». Женщина ни за что не смѣетъ перерѣзать путь каравану; она должна притаиться къ стѣнѣ, когда мужчина хочетъ выдти изъ чума и т. д.

О религіозныхъ вѣрованіяхъ этого племени мы будемъ говорить въ главѣ объ архангельскихъ самоѣдахъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Иза.

Романъ А. Бувье.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Домъ Базилио, Тартюфа и К°.

Глава I.

Гюре дѣйствуетъ.

Слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ Леи Меданъ было окончено и назначенъ день суда надъ Морисомъ Ферапомъ. Президентъ суда Матье дю-Тальи былъ заваленъ просьбами о полученіи билета на это засѣданіе суда. Все парижское общество было сильно заинтересовано таинственнымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что въ газетахъ былъ сдѣланъ намекъ, что въ этомъ дѣлѣ замѣшана какая-то государственная тайна. Мало этого, распространился слухъ о поразительной красотѣ подсудимаго и женщины, уже заранѣе отдавшія ему свои симпатіи, пустили въ ходъ всевозможныя махинаціи, чтобы только попасть въ залу засѣданія въ день суда надъ Морисомъ.

Агентъ Гюре, взбѣшенный, что на его разслѣдованіе, которое онъ считалъ вполнѣ вѣрнымъ, не обращено никакого вниманія, взялъ отпускъ, рѣшившись продолжать розыски, хотя бы только для собственнаго удостовѣренія, что онъ не ошибался. Прежде всего онъ занялся кучеромъ, отвезшимъ Гудара утромъ, въ день преступленія, въ предмѣстье Руль. Кучеръ сообщилъ, что можетъ указать агенту домъ, въ который вошелъ Андре, однакожь, прибавилъ при этомъ, что не рѣшается настаивать на томъ, что онъ не ошибается. Этотъ домъ оказался тѣмъ, въ которомъ жила Иза. Гударъ вошелъ въ ея подъѣздъ. Конечно, Гюре не замедлилъ собрать свѣденія о прелестной молдаванкѣ. Ему разсказали не мало о странностяхъ этой женщины, жившей, какъ куртизанка, но, повидимому, не имѣвшей любовниковъ. Вдова банкрота, она безумно расточала деньги и надѣлала массу долговъ.

Собраннаго матеріяла было недостаточно и Гюре вознамѣрился пополнить его свѣденіями, добытыми въ префектурѣ полиціи. Но здѣсь, кромѣ неважныхъ подробностей о банкирѣ Сегленѣ, онъ не добылъ ничего, такъ какъ объ Изѣ, при этомъ, упоминалось только мимоходомъ. Однакожь, онъ получилъ тутъ и одно полезное указаніе: обратиться за свѣденіями объ Изѣ къ отставному матросу Симону Риве. Въ тотъ же вечеръ неутомимый агентъ отыскалъ этого матроса и объяснилъ тому, что ему необходимы положительныя свѣденія объ Изѣ для спасенія одного несчастнаго, влюбившагося въ нее до безумія и желающаго на ней жениться. Онъ, Гюре, считаетъ ее недостойной женщиной, но не имѣетъ достаточно вѣскихъ доказательствъ противъ нея. Старый матросъ Симонъ любилъ поговорить и питалъ ненависть вообще къ женщинамъ, и въ особенности къ Изѣ. Его незачѣмъ было много упрашивать, онъ самъ охотно разсказалъ, что зналъ, о привезенномъ имъ во Францію матросѣ Ригоберѣ Соважѣ, ловкомъ гимнастѣ, фокусникѣ и колдунѣ, «къ счастію умершемъ», прибавилъ Симонъ. Этотъ-то Ригоберъ разсказалъ ему, чѣмъ была женщина, вышедшая замужъ за банкира Сеглена. Когда Симонъ упрекалъ его, зачѣмъ онъ таскаетъ ее съ собою въ кабаки и вообще въ мѣста, гдѣ неприлично быть молодой добродѣтельной дѣвушкѣ, Ригоберъ помиралъ со смѣху.

— Добродѣтельная! говорилъ онъ, сильно подчеркивая это слово. — Хозяинъ, знаете, гдѣ я въ первый разъ встрѣтилъ Изу. Недалеко отъ Виддина, подлѣ деревни, за недѣлю передъ тѣмъ ограбленной турками. Иза сперва было отправилась съ офицерами, командовавшими этими грабителями... конечно, не въ качествѣ дѣвицы, добродѣтель которой уважаютъ... Когда же ей надоѣли грубости этихъ милыхъ турокъ, она вспомнила, что она христіанка и что ей не слѣдъ водиться съ врагами своей родины. Она бѣжала отъ нихъ и я нашелъ ее на дорогѣ, до крайности ослабѣвшую отъ голода и страха, что она снова попадетъ въ руки турокъ... Я смотрю на Изу не какъ на служанку, а какъ на работницу; я плачу ей, я кормлю ее, но она живетъ отдѣльно отъ меня, она свободна и я знаю, что нерѣдко ночью постель въ ея комнатѣ остается незанятой; гдѣ проводитъ она время, мнѣ неизвѣстно...

— Она-то потомъ и вышла замужъ за банкира, прервалъ его Гюре.

— Да, да... Но постойте, старина, еще не все!.. Прошло нѣсколько времени, смотрю я, мой Ри-

гоберъ разодѣтъ, какъ вельможа, а дѣвка точно какая-нибудь принцесса... онъ показываетъ видъ, что ни слова не понимаетъ по-французски. Видите-ли, онъ и эта гулящая дѣвка сошлись съ мошенникомъ, не хуже ихъ, и втроемъ составили компанію для обиранія почтеннѣйшей публики... Воображаю, какъ плутуетъ она теперь, когда стала важной дамой!

Получивъ такія свѣденія, Гюре окончательно убѣдился, что онъ на настоящей дорогѣ. Два дня къ ряду онъ безуспѣшно ходилъ въ судъ, слѣдователь не показывался. Наконецъ на третій день онъ поймалъ его и едва началъ свой разсказъ, Вершемонъ прервалъ его.

— Не трудитесь разсказывать, сказалъ онъ сухо;—я уже просилъ васъ прекратить ваши розыски; слѣдствіе окончено и представлено въ судъ. Мнѣ не зачѣмъ выслушивать васъ; я составилъ свое мнѣніе объ этомъ дѣлѣ, которое считаю вѣрнымъ; вамъ же совѣтую бросить это дѣло, чтобы не нажить непріятностей.

И онъ разорвалъ докладъ, представленный ему Гюре.

«Дѣлать нечего, надо бросить это дѣло, подумалъ неутомимый агентъ;—вѣроятно онъ получилъ приказаніе свыше».

Гюре рѣшился прекратить свои розыски, но на другой день утромъ къ нему пришелъ Шади, котораго онъ видѣлъ у Тюссо, и дѣло приняло иной оборотъ.

— Какъ вы узнали мой адресъ? спросилъ Гюре молодого человѣка.

— О, очень легко: я взялъ его въ префектурѣ.

— Что вамъ нужно отъ меня?

— Я пришелъ по дѣлу объ убійствѣ въ улицѣ Лакюэ.

— Это дѣло уже не касается меня; я бросилъ его, получивъ за него много непріятностей. Виновнаго нашли безъ меня и будутъ его судить.

— Все это такъ, но вы должны помочь намъ.

— Я васъ не понимаю.

— Это нисколько не удивляетъ меня, потому что я не мастеръ разъяснять эти вещи. Мы убѣждены въ невиновности Ферана и хотимъ доказать это.

— Вотъ что! Значитъ вы держитесь того же мнѣнія, какъ и я.

— И у насъ не мало основательныхъ причинъ для этого. Но, повторяю, объяснить ихъ вамъ я не въ состояніи. Я пришелъ затѣмъ, чтобы попросить васъ отправиться къ моему другу Пальяру, у матери котораго были заложены украденныя бумаги. Пальяръ знаетъ толкъ въ судебныхъ дѣлахъ; онъ докажетъ вамъ, что Морисъ Феранъ невиновенъ... Мы знаемъ, что всякій трудъ долженъ оплачиваться и даромъ безпокоить васъ не станемъ.

— А я не хочу отъ васъ никакой платы. Вы люди хорошіе, трудящіеся, и я помогу вамъ уже потому, что думаю такъ же, какъ и вы... Знаю, что между нами, сыщиками, есть дурные люди, сующіе носъ всюду, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, но есть и такіе, которые честно исполняютъ свою обязанность... Я старый солдатъ; нѣкогда я сражался съ врагами моего отечества; теперь я борюсь съ врагами общества: убійцами, ворами, мошенниками. Вы требуете, чтобы я помогъ вамъ очистить невиновнаго и найти убійцу,—это моя обязанность и я помогу вамъ. Слѣдствіе уже окончено; но мы произведемъ свое, другое и, можетъ быть, успѣемъ окончить его ранѣе наступленія суда.

— Такъ вы согласны... прекрасно. Правду вы говорите, въ вашемъ ремеслѣ встрѣчаются дрянные люди, но есть и хорошіе.

— Вы, вѣрно, пріятель Мориса Ферана?

— Да, мы товарищи; вмѣстѣ работали когда-то; я узналъ объ его арестѣ недавно, когда сталъ работать у Тюссо. Вы должны знать, какія улики противъ него?

— Въ квартирѣ у убитой найдены двѣ отравленныя бутылки шампанскаго.

— Это я знаю.

— Вечеромъ Феранъ купилъ двѣ бутылки шампанскаго той именно марки. Онъ увѣряетъ, что отравилъ вино съ цѣлью самоубійства.

— Темно, сказалъ Шади съ гримасой.

— Извѣстно, что ночью онъ выходилъ изъ своей квартиры. Онъ не отрицаетъ этого, но не даетъ объясненія, какъ провелъ эту ночь.

— Что же онъ говоритъ?

— Онъ отказывается отвѣчать, говоритъ, что не можетъ.

— Тоже темно; но мы, можетъ быть, разъяснимъ это.

— Я полагаю, потому что убѣжденъ, что виновный не онъ.

— Когда же вы будете у насъ?

— А развѣ г. Пальяръ теперь не дома?

— Онъ дома, ожидаетъ меня.

— Тогда нечего терять времени, пойдемъ сейчасъ.

— Отлично... Идемъ же.

Черезъ полчаса они сидѣли уже въ квартирѣ Пальяра.

— Я очень интересуюсь одной молодой дѣвушкой, которую преслѣдуетъ несчастіе, сказалъ Пальяръ, обращаясь къ агенту,—эта честная, чистая дѣвушка осталась теперь одна, безъ всякой поддержки.

— Честность и чистота—рѣдкія достоинства, особенно въ этомъ классѣ, замѣтилъ докторально Гюре.

— Можетъ быть, менѣе рѣдки, чѣмъ вы думаете, отвѣчалъ Пальяръ.—Если бы вы поближе познакомились съ рабочимъ классомъ, вы судили бы о немъ такъ же, какъ и я. Къ несчастью, о рабочихъ судятъ преимущественно по кабачнымъ завсегдатаямъ... Но возвратимся къ нашему дѣлу. Работница, о которой я говорю, изъ родни, имѣетъ только одного брата и этотъ несчастный теперь арестованъ и обвиняется въ убійствѣ Леи Меданъ. Я незнакомъ съ нимъ, но его знаютъ Шади и вся семья Тюссо и всѣ они убѣждены, что онъ неспособенъ совершить убійство.

— Это еще не доказательство; убійство не ремесло; ему не учатся; случалось, что и самые кроткіе люди, подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, становились убійцами.

— Но вѣдь преступленіе должно же имѣть какую-нибудь цѣль; не убиваютъ ради одного убійства. Что же могло побудить на преступленіе этого несчастнаго молодого человѣка? Какимъ образомъ рабочій могъ познакомиться съ куртизанкой высшаго полета, какою была убитая?

— Въ этомъ я согласенъ съ вами; я самъ убѣжденъ въ невиновности Мориса Ферана.

— Тѣмъ лучше. Я обѣщалъ м-ль Амели Феранъ, что сдѣлаю все возможное для полученія доказательствъ невиновности ея брата... И вы мнѣ поможете?

— Да. Но слѣдствіе окончено и намъ не удастся избавить Ферана отъ суда. Надобно отыскать такіе факты, которые бы облегчили задачу защитнику обвиняемаго и послужили къ его оправданію.

— Мы найдемъ ихъ.

— Потолкуемъ же серьезно о нашемъ дѣлѣ. Я возьму на себя розыски, но вы должны помогать мнѣ... Вы, какъ буржуа, легко можете получить нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя постараются скрыть отъ меня, какъ отъ агента... Какъ васъ зовутъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Шади.

— Аристидъ Лебланъ, но обыкновенно зовутъ меня «Шади»; и вы называйте меня такъ.

— Г. Шади, кажется, это вы видѣли утромъ человѣка, выходящаго изъ дома, гдѣ совершилось убійство?

— Да, это я.

— Думаете-ли вы, что этотъ человѣкъ и есть настоящій убійца?

— Готовъ прозакладывать свою голову, что совершилъ преступленіе онъ, а не Морисъ, котораго я не могъ бы не узнать. Я увѣренъ, что убійца — Гударъ Кляча, котораго я недавно здорово отдубасилъ.

— Какимъ образомъ?

Шади разсказалъ, какъ это случилось.

— Когда Амели Феранъ познакомилась съ семействомъ Тюссо?

— Она подруга г-жи Сесиль; ея братъ работалъ у нихъ.

— А, они давно знакомы... Но Морисъ, можетъ быть, сообщникъ...

— Кого? Клячи?.. Что вы... Морисъ ненавидитъ проклятаго Гудара, потому что долженъ былъ жениться на Сесили; они любили другъ друга... Клячѣ онъ обязанъ, что ему отказали отъ мѣста... Кляча околдовалъ отца, а что дѣвушка не желала выходить замужъ за Гудара доказывается тѣмъ, что въ день, назначенный для вѣнчанія, она покушалась на самоубійство и мнѣ привелось спасти ее...

— Постойте! прервалъ его агентъ; — все это было, помнится, заявлено слѣдователю, но слѣдствіе велось такъ странно... вѣрно есть какой-нибудь приказъ сверху. Да, я припоминаю эти факты. Утромъ, 21 іюня, вы спасли м-ль Сесиль, желавшую утопиться... она бросилась съ Аустерлицкаго моста?

— Да.

— Вотъ что, господа, сказалъ агентъ, — все, что мы скажемъ здѣсь, должно остаться между нами; мы не желаемъ затрогивать ничьей нравственности, но обязаны объясниться откровенно. Мы не должны скрывать ничего, что можетъ уяснить наше дѣло.

— Да, да, говорите! вскричали въ одинъ голосъ Пальяръ и Шади.

— Не имѣла-ли м-ль Тюссо сношеній съ Морисомъ Фераномъ? Можетъ быть, накапунѣ свадьбы, — которая должна была состояться противъ ея желанія, — она была у своего любовника съ цѣлью умереть вмѣстѣ съ нимъ.

— Постойте! вскричалъ Шади. — Дайте мнѣ припомнить... Дѣйствительно, когда докторъ привелъ ее въ чувство и всѣ порадовались, считая, что она спасена, ее стало сильно рвать... На лицѣ доктора выразилось безпокойство и онъ закричалъ: «Поскорѣе носилки!» Озадаченный, я сказалъ ему: «Но развѣ ей не лучше; я думалъ, что она спасена». — Явились усложненія, отвѣчалъ онъ мнѣ, — которыхъ я пока не могу себѣ объяснить. Я увѣренъ, что бѣдняжка сильно страдала ранѣе, чѣмъ бросилась въ воду».

— Вы вполнѣ увѣрены, что все это происходило такъ, какъ вы говорите? спросилъ агентъ съ волненіемъ.

— Но это еще не все. Придя въ госпиталь и увидя, что ей лучше, я сказалъ доктору: «Такая красавица и пожелала утопиться!»—«Это и спасло ее!» отвѣчалъ онъ мнѣ. Далѣе онъ прибавилъ — и эти слова я будто теперь слышу: — «Бѣдняжка, вѣроятно, перенесла тяжкое горе; у нея явилось желаніе умереть непремѣнно: прежде, чѣмъ утопиться, она отравила себя».

— Какже, зная такія вещи, вы ничего не сказали слѣдователю?

— Амели мнѣ передавала, сказалъ Шади, не отвѣчая прямо на вопросъ, — что г-жа Сесиль должна была отправиться къ слѣдователю. Она сказала своей подругѣ: «Не печалься, Амели, мы спасемъ твоего брата; я погублю себя, но спасу его».

— И объ этомъ вы не сообщили слѣдователю! вскричалъ съ укоромъ агентъ.

— А развѣ меня спрашивали, отвѣчалъ Шади.

Вы вотъ выслушиваете все, а другой закричитъ: «Прошу васъ не уклоняться отъ вопроса; отвѣчайте только на то, о чемъ васъ спрашиваютъ!»

— Правда. Иногда слѣдствіе производится до крайности нелѣпо. Намъ слѣдуетъ прежде всего освѣтить этотъ важный фактъ. Я пойду къ Тюссо и осторожно распрошу г-жу Сесиль.

— Но развѣ вы не знаете...

— Что такое?

— Несчастная молодая женщина опасно больна; она уже два дня лежитъ безъ сознанія. Докторъ боится, что она не встанетъ, сказалъ Шади со слезами на глазахъ.

— Ахъ, Богъ мой, какое несчастье! Я повидаюсь съ докторомъ, лечившимъ ее въ госпиталѣ. Его показаніе будетъ имѣть большую важность.

— Не можете-ли вы, сказалъ Пальяръ, — повидать Мориса въ тюрьмѣ. Ловко намекнувъ, что вамъ все извѣстно, вы, можетъ быть, заставите его высказать всю правду.

— Это невозможно; онъ теперь не въ Консьержери, а въ Мазасѣ. Прежде всего, я переговорю съ докторомъ, а затѣмъ съ адвокатомъ, которому, вѣроятно, буду въ состояніи сообщить полезныя для него свѣденія.

— Преступленіе, говорятъ, совершено ради воровства; при самыхъ тщательныхъ обыскахъ у Мориса ничего не найдено. Между тѣмъ, похищенныя цѣнности переданы моей матери Гударомъ... Кстати, что сталось съ этими бумагами? я рѣшительно не могу понять, почему прекращено о нихъ дѣло.

— Какъ, вамъ ничего не объявили! Удивительное слѣдствіе!.. Бумаги найдены у одного бывшаго полицейскаго агента, заявившаго, что онъ получилъ ихъ отъ тетки, въ день ея смерти. Агента зовутъ Бойе.

— Бойе! вскричалъ Пальяръ.—О, негодяй, онъ укралъ бумаги у моей бѣдной матери.

— Кстати, что вы знаете объ этомъ человѣкѣ? Свѣденія о немъ, можетъ быть, пригодятся и въ нашемъ дѣлѣ.

— Бойе мой двоюродный братъ; его мать—старая дѣва, ханжа, что, однакожь, не помѣшало ей произвести ребенка. Бойе въ дѣтствѣ слылъ подъ именемъ «сына патера». Мать его умерла въ богадѣльнѣ, а моя мать приняла на свое попеченіе ея ребенка, и заботилась о немъ, насколько было возможно заботиться о ребенкѣ, помѣщенномъ въ іезуитскую семинарію. Онъ вышелъ оттуда порядочнымъ негодяемъ; два или три раза его судили за безнравственность, одинъ разъ за шулерство. Каждый разъ іезуиты выручали его, наконецъ, опредѣлили въ полицію. Онъ мнѣ противенъ. При добродушной внѣшности, онъ золъ и мстителенъ. Онъ—ходячее лицемѣріе. Онъ умѣлъ выказать себя передъ моей матерью человѣкомъ религіознымъ и вытянулъ у нея не мало денегъ, хотя, говоря по правдѣ, покойница очень не любила раскошеливаться. Онъ распускалъ про меня самые гадкіе слухи, говорилъ, что мало меня повѣсить, а постоянно твердилъ, что онъ мой лучшій другъ.

— А что вы думаете насчетъ денежныхъ цѣнностей?

— Я уже сказалъ вамъ. Теперь отлично объясняется, почему онъ призвалъ меня только въ то время, когда моя бѣдная мать впала въ безпамятство. Оставаясь наединѣ съ умирающей женщиной, онъ могъ безпрепятственно все перерыть. Покойница не любила держать денегъ дома. Эти денежныя бумаги остались у нея потому только, что они находились въ запечатанномъ конвертѣ и она не имѣла права получать по нихъ купонамъ. Негодяй Бойе распечаталъ конвертъ и, подумавъ, что, вѣроятно, никто не знаетъ о существованіи этихъ бумагъ у старухи, укралъ ихъ. Доказательство: внезапный выходъ его въ отставку и отъѣздъ изъ Парижа.

— Вотъ что онъ показалъ:—я не зналъ прежде, что дѣло шло о вашей матери: — его тетка постоянно ссорилась съ сыномъ и очень любила его, Бойе; желая обезпечить его будущность, она передала ему, тайно отъ сына, запечатанный пакетъ съ бумажными цѣнностями. Сперва онъ отказался...

— Онъ, негодяй, отказался? Онъ безсовѣстно лжетъ. Ну что же дальше? сказалъ Пальяръ отрывисто.

— По его словамъ, онъ принялъ этотъ даръ только по совѣту духовника.

— Хорошія вещи долженъ выслушивать отъ него его духовникъ.

— Духовникъ не его, а вашей покойной матушки. Г-жа Пальяръ обратилась къ содѣйствію своего духовника и только, при его помощи, ей удалось убѣдить Бойе взять деньги.

(Къ статьѣ «Пѣніе бочки»).—Брауеръ медленно поднялъ бокалъ.

— Тутъ слишкомъ явная ложь; зная, что эти деньги не принадлежатъ ей, моя мать, женщина вполнѣ честная, не стала бы дарить ихъ.

— Онъ и объ этомъ подумалъ. По его словамъ, г-жа Пальяръ спросила совѣта у патера, можетъ-ли она располагать этими цѣнностями, подъ которыя она выдала шестьдесятъ тысячъ франковъ, подъ условіемъ, что деньги будутъ уплачены черезъ мѣсяцъ или же бумаги поступятъ въ ея полное распоряженіе. Срокъ уплаты давно уже прошелъ, а владѣлецъ бумагъ не является, что крайне изумляетъ ее, г-жу Пальяръ, такъ какъ сумма въ денежныхъ бумагахъ значительно превышаетъ занятую сумму. Когда же духовникъ сказалъ ей, что она имѣетъ право располагать этими бумагами, она стала настоятельно требовать, чтобы ихъ взялъ Бойе, и онъ наконецъ согласился.

— И этому повѣрили? Какъ не пришло на мысль, что такая женщина, какъ моя покойная мать, не станетъ давать шестидесяти тысячъ незнакомымъ людямъ.

— Бойе предвидѣлъ и это возраженіе. Онъ показалъ, что его тетка и прежде занималась подобными же дѣлами, что она была ростовщицей.

— Каналья, ему мало обворовать, онъ еще клевещетъ.

— Его мы не должны упускать изъ виду. Онъ производилъ первые розыски; по его настоянію арестованъ Морисъ Феранъ; онъ же нашелъ свидѣтелей; ему теперь чистый расчетъ настаивать на невиновности Андре Гудара, чтобы получить денежныя бумаги, будто бы подаренныя ему г-жею Пальяръ.

— Скажите, что каждому изъ насъ дѣлать и мы тотчасъ же примемся за работу, сказалъ Пальяръ.

— Отдайте мнѣ патера, просилъ Шади; — и вы увидите, что я съумѣю добыть отъ него свѣденія, какія намъ нужны. Прикинусь завзятымъ клерикаломъ и онъ мнѣ все выложитъ на столъ.

— Хорошо, я узнаю адресъ этого священника и дамъ вамъ его. Вы скажите, что пришли отъ сына г-жи Пальяръ и желаете узнать, не передавала-ли она вамъ какого-нибудь порученія къ нему.

— А какую задачу вы возложите на меня? спросилъ Пальяръ.

— Вы повидаетесь съ м-ль Амели, — полагаю, что вамъ это не будетъ противно, сказалъ Гюре, лукаво улыбаясь;—и попросите ее дать вамъ самыя подробныя свѣденія объ ея братѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Пальяръ, немного краснѣя.—Впрочемъ, я уже распрашивалъ ее и она подробно разсказала мнѣ жизнь своего брата съ той минуты, какъ она нашла его умирающимъ и побѣжала за лекарствомъ къ аптекарю.

— Это первый свидѣтель, не преминулъ замѣтить Гюре.

— Разсказывая мнѣ о допросѣ ея слѣдователемъ, она, между прочимъ, упомянула о письмѣ, полученномъ ея братомъ, котораго, однакожь, не нашлось въ его бумагахъ.

— Вѣроятно, это то письмо, которое я нашелъ въ мастерской, гдѣ онъ работалъ. Это письмо, говорятъ, служитъ главной уликой противъ него. Оно было изслѣдовано экспертами, которые нашли въ немъ положительное доказательство, что преступленіе совершено Фераномъ. Это письмо писано женщиной его сообщницей; она умоляетъ Ферана пожертвовать собою и не губить ее.

— Какъ, существуетъ подобное письмо! сказалъ Пальяръ съ отчаяніемъ.

— Повторяю, это, вѣроятно, то письмо, о которомъ вы говорите!

— Нѣтъ, письмо, о которомъ я говорю, писано г-жею Сесиль и передано Морису его сестрою.

— Боже мой! ужь не сдѣлали-ли какой-нибудь штуки съ этимъ письмомъ... Я не смѣю теперь вмѣшиваться въ это дѣло и не могу видѣть бумагъ. Во всякомъ случаѣ, надо принять это къ свѣденію.

Между тѣмъ Шади поднялся и сталъ шарить въ своихъ карманахъ; на лицѣ его выразилось недоумѣніе; онъ, казалось, старался что-то припомнить.

— Что вы ищете? спросилъ Гюре.

— Когда вы заговорили о письмѣ, я припомнилъ, что въ тотъ вечеръ когда я намялъ бока Клячѣ, у него изъ кармана выпало письмо, которое я поднялъ и спряталъ, но теперь не могу найти. Можетъ быть, въ этомъ письмѣ заключаются какія-нибудь интересныя для насъ подробности.

— Трудно допустить, сказалъ Пальяръ,—чтобы подобный негодяй сохранялъ письма, который могутъ его компрометировать.

— Совѣтую вамъ отыскать это письмо, сказалъ Гюре;—подобные негодяи имѣютъ привычку сохранять письма, которыя могутъ ихъ погубить, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ и компрометировать другихъ. Поищите-же хорошенько.

— Его нѣтъ здѣсь. Тогда я былъ нѣсколько навеселѣ и, можетъ быть, потерялъ... Постойте, оно, вѣроятно, въ карманѣ моей новой жакетки. Вечеромъ, придя домой, я поищу и затѣмъ принесу вамъ это письмо.

— Представляетъ-ли оно какой-нибудь интересъ? спросилъ Пальяръ.

— Я не читалъ его, отвѣчалъ Шади,—я положилъ его въ карманъ и потомъ забылъ о немъ.

— Г. Шади, спросилъ Гюре,—вы живете близко отъ квартала, гдѣ совершено преступленіе?

— Очень близко, но на другой сторонѣ рѣки; впрочемъ, по нѣкоторымъ причинамъ, я бываю очень часто почти рядомъ съ тѣмъ домомъ.

— Я знаю эту «причину»; я видѣлъ ее вмѣстѣ съ вами у слѣдователя.

— А, вы тамъ были?

— Сколько могу припомнить, ее зовутъ Дениза; ей около двадцати-пяти лѣтъ и она прехорошенькая.

— Вѣрно; и я вижу, что у васъ есть вкусъ.

— Если вамъ угодно, господа, сказалъ Гюре,—мы отправимся въ ту сторону, гдѣ совершено преступленіе, не въ тотъ домъ, а въ его окрестности; надо смѣрять разстояніе отъ дома, гдѣ жилъ Феранъ, до Аустерлицкаго моста, съ котораго бросилась м-ль Сесиль; мы изслѣдуемъ также дорогу, по которой шелъ убійца до кареты.

— Гдѣ я встрѣтилъ Гудара Клячу.

— Вы увѣрены, что это именно онъ.

— Я не видалъ его въ лицо, не узналъ; но это ничего не значитъ, я увѣренъ, что только такой негодяй, какъ онъ, способенъ на подобное преступленіе.

— Вы, г. Шади, зайдите къ себѣ и поищите письмо; если оно имѣетъ какую-нибудь важность, намъ лучше знать это сейчасъ; если же въ немъ нѣтъ ничего для насъ интереснаго, вы ничего не потеряете, потому что мы идетъ туда не за однимъ этимъ письмомъ.

— Можетъ быть, вамъ необходимы деньги для розыска, сказалъ Пальяръ, — пожалуста не стѣсняйтесь и берите сколько нужно.

— Благодарю васъ, отвѣчалъ Гюре, — пока ихъ не нужно, но если я истрачу на извощиковъ или на какія-нибудь другія надобности по этому дѣлу, я вамъ представлю счетъ. Теперь же пойдемъ.

Они отправились и чрезъ нѣсколько минутъ были уже на Контр-эскарпскомъ бульварѣ.

— Карета стояла здѣсь, сказалъ Шади.—Отсюда видѣнъ и тотъ домъ, въ улицѣ Лакюе. Квартира, какъ видно, до сихъ поръ незанята.

— Семь мѣсяцевъ прошло, какъ совершилось преступленіе и никто не рѣшается нанять этой квартиры, сказалъ Пальяръ, съ любопытствомъ осматривая домъ.

— Это на руку слѣдствію, замѣтилъ Гюре.— И домохозяинъ ничего не теряетъ, потому что Лея Меданъ заплатила за квартиру за годъ впередъ.

Гюре пошелъ по той дорогѣ, по которой шелъ человѣкъ, которого встрѣтилъ Шади; а въ то время, какъ Шади бѣгалъ къ себѣ домой за письмомъ, агентъ вошелъ въ домъ, гдѣ жилъ Морисъ; онъ остановился на площадкѣ, откуда вела дверь въ квартиру Ферана, посмотрѣлъ на часы и спустился съ лѣстницы; затѣмъ дошелъ до Аустерлицкаго моста, считая свои шаги. Онъ воротился въ одно время съ Шади, который вручилъ ему письмо. Оно было очень коротенькое; агентъ прочиталъ его и ничего не понялъ.

— Ну? спросилъ Шади.

— Рѣшительно ничего не понимаю, отвѣчалъ Гюре,—но чувствую, что въ этомъ письмѣ кроется разгадка. Вотъ что здѣсь написано: «Припомни исторію Георгія Грегоро, которую я тебѣ разсказывала. — Это ты! не выдай себя. — Отрицай все и ты будешь освобожденъ. — У нихъ нѣтъ ничего противъ тебя.—Будь ловокъ.—Выйдешь, тотчасъ приходи».

— И это все?

— Да, и трудно понять смыслъ этого письма, но его слѣдуетъ сохранить.

— Не пойти-ли намъ теперь въ госпиталь, сказалъ Шади.

— Да, идемъ туда.

Придя въ госпиталь, Шади спросилъ адресъ доктора, пользовавшаго Сесиль. Двое товарищей остались ждать его на улицѣ.

— Что съ вами? спросили они въ одинъ голосъ, когда Шади вернулся къ нимъ, взволнованный.

(Къ статьѣ «Пѣніе бочки»). — Вина, вина!

— Эдакая неудача! вскричалъ онъ.—Бѣдняга докторъ умеръ десять дней тому назадъ.

— Жаль, сказалъ Гюре, — но его смерь не помѣшаетъ нашимъ дальнѣйшимъ розыскамъ.

Точно объяснивъ, что каждый изъ нихъ долженъ дѣлать и назначивъ день и мѣсто для новаго свиданія, Гюре распростился съ Пальяромъ и Шади.

(Продолженіе будетъ.)

Пѣніе бочки.

Разсказъ **Эркмана-Шатріана**, переводъ **М. Г. Минутъ**.

Однажды вечеромъ, часовъ около одиннадцати я сидѣлъ въ тавернѣ «Улитокъ» въ Кобленцѣ, и благодушно смотрѣлъ на толпу, снующую подъ низкими сводами залы и пирующую за дубовыми столами; тихое умиленіе проникало мнѣ въ душу. Какія славныя лица, свѣжія, румяныя, смѣющіеся, важныя, насмѣшливыя и довольныя и мечтательно подмигивающія другъ другу! Обладатели этихъ лицъ опирались на локти, и покачивались съ вытянутыми ногами съ шапкой набекрень, съ треуголкой на затылкѣ.

Какой веселый видъ!

Всѣ присутствующіе напѣвали пѣсню «Рейнскихъ разбойниковъ» и «Я царь этихъ горъ». Всѣ голоса сливались въ стройной гармоніи. Отъ хора неотставалъ даже крошечный Христіанъ Шмитъ, сидя у отца на колѣняхъ и довольно удовлетворительно подтягивая тоненькимъ сопрано.

Я покачивалъ головой и притопывалъ, подпѣвалъ то тому, то другому, билъ тактъ и, конечно, весь успѣхъ концерта приписывалъ себѣ.

Въ это мгновеніе я взглянулъ случайно на хозяина таверны Себальта Брауера сидящаго за прилавкомъ. Какъ разъ въ это время Брауеръ принялся выдѣлывать свои гримасы, лѣвая щека у него подергивалась, правый глазъ закрылся, онъ что-то шепталъ и безпрестанно вертѣлъ бумажный колпакъ на своей всклокоченной головѣ. Себальтъ тоже посмотрѣлъ на меня.

— Слышишь! сказалъ онъ, поднимая кверху палецъ,—слышишь, Теодоръ?

— Что? спросилъ я.

— Тьфу пропасть, слышишь, какъ поетъ мой боченокъ?

— О, вскричалъ я,— наивное созданіе, метафизикъ ты этакой, гдѣ твой здравый смыслъ, какъ ты можешь думать, что вино поетъ? Ну скажи ты, что кутилы поютъ, ну такъ и быть, еще бы это походило на что-нибудь, но вино, ха, ха, ха, Себальтъ, уже не говоря о томъ, что это нелогично, это просто смѣшно!

Но Себальтъ уже не слушалъ меня, онъ ходилъ взадъ и впередъ; его кожанный передникъ задѣвалъ то того, то другого изъ его гостей, одна подтяжка отстегнулась и онъ, такимъ образомъ, прислуживалъ пирующимъ, половину наливая въ кружки, половину расплескивая на гостей съ спокойствіемъ и достоинствомъ хозяина.

Въ это время за стойку пришла, безпрестанно вздыхая, толстая Орхель; свѣчи мелькали яркими кругами на потолкѣ; я уже съ четверть часа наблюдалъ это явленіе, небудучи въ состояніи объяснить его себѣ, какъ вдругъ Брауеръ хлопнулъ меня по плечу и вскричалъ:

— Теодоръ, боченокъ опустѣлъ, сходимъ-ка въ погребъ, нальемъ его, ты увидишь диковинныя вещи!

Я зналъ, что у Брауера лучшій погребъ въ Кобленцѣ, оставшійся отъ прежняго монастыря бенедектинцевъ, — судите же, по этому, въ какомъ я былъ восхищеніи!

Себальтъ взялъ свѣчу и ждалъ меня.

Мы пошли подъ руку, наши деревянные башмаки мѣрно звучали по полу, мы вытягивали руки и подпѣвали «Я царь этихъ горъ». Всѣ смѣялись надъ нами, приговаривая: «Ахъ, плуты, ишь какъ имъ это на руку, ха, ха, ха!»

Когда мы вышли на свѣжій воздухъ, спокойствіе вернулось къ намъ.

Ночь была сырая; блѣдная луна роняла свои серебристые лучи, которые мелькали зигзагами на темномъ фонѣ, гдѣ-то далеко слышался пискъ кошки, надрывавшій душу.

— Брр..... вздрогнулъ Себальтъ,—какъ холодно!

Онъ поднялъ тяжелую лѣстницу, прислоненную къ стѣнѣ и сошелъ внизъ. Я медленно слѣдовалъ за нимъ. Лѣстница казалась безконечной, тѣни, все удлиняясь, исчезали за нами, это заставляло меня оглядываться. Передъ собой я видѣлъ широкоплечую фигуру Бауера, его темный затылокъ, весь покрытый вьющимися волосами и стран-

стія» сообщають, что въ Серпуховѣ недавно скончался одинъ изъ старожиловъ города, нѣкто Афанасій Ивановичъ Карповъ, 116 лѣтъ отъ рода, бывшій маркитантомъ въ отечественную войну 1812 года. До самой смерти онъ ежедневно ходилъ пить чай въ одну изъ извѣстныхъ въ Серпуховѣ гостиницъ, откуда возвращался пѣшкомъ до своего дома, который отъ гостиницы находится, по крайней мѣрѣ, верстахъ въ двухъ. По словамъ «Кіевлянина» въ селѣ Трилѣсѣ, чигиринскаго уѣзда, скончался недавно землевладѣлецъ В. С. Безрадецкій, 107-ми лѣтъ отъ роду. Покойный никогда не болѣлъ и до послѣднихъ дней лично распоряжался своимъ имѣніемъ.

— **Что дѣлается иногда въ католическихъ женскихъ монастыряхъ.** Въ Камбрэ возбужденъ большой скандалъ слѣдующимъ случаемъ, передаваемымъ «Köln. Zeit.»: 26 лѣтъ тому назадъ, въ тамошній монастырь св. Клярисы поступила молодая дѣвушка. Правила монастыря весьма строгія. Монахини навсегда разлучены съ міромъ, постятся безъ перерыва и изнуряютъ плоть всевозможными средствами. Черезъ годъ по вступленіи въ монастырь дѣвушка занемогла. Смирились передъ необходимостью и нѣсколько облегчили для нея уставъ. Молодая монахиня, чувствуя себя не въ силахъ переносить разобщеніе съ міромъ, заявила, что не хочетъ оставаться болѣе въ монастырѣ и желаетъ возвратиться къ роднымъ. Монастырь, однако-же, не желая выпускать добычи, продержалъ ее насильно 25 лѣтъ взаперти. Нѣсколько времени тому назадъ монастырь купилъ сосѣдній домъ и когда начались постройки для соединенія его съ главнымъ зданіемъ, для чего часть стѣны была сломана, узница воспользовалась этимъ для осуществленія попытки бъ побѣгу, составлявшему ея многолѣтнюю мечту. Она тайкомъ проскользнула въ сосѣдній домъ, дверь котораго стояла отворенной, и затѣмъ поспѣшила добраться до родительскаго дома, оставленнаго ею 26 лѣтъ передъ тѣмъ. Она нашла еще все въ прежнемъ видѣ: мать и братья ея жили еще тамъ. Монахиня, въ настоящее время лежащая больной, остается при своемъ рѣшеніи не возвращаться въ монастырь, не смотря на то, что священникъ отказалъ ей въ отпущеніи грѣховъ и епископъ не хочетъ разрѣшить ее отъ обѣтовъ. Дѣло это переносится въ судъ, такъ какъ во Франціи строго воспрещается закономъ, удерживать монашествующихъ насильственно въ монастыряхъ.

— **Откровенное объявленіе.** Въ парижскихъ газетахъ появилось слѣдующее замѣчательное объявленіе: «Не старый человѣкъ, 35 лѣтъ отъ роду, съ состояніемъ въ 200,000 франковъ, но чахоточный, желаетъ жениться на молодой, красивой собою и хорошо воспитанной дѣвицѣ безъ состоянія и родныхъ, но страдающей такимъ-же недугомъ, какъ и онъ, чтобы вдвоемъ провести, еще остающіеся имъ дни жизни, въ полномъ уединеніи, на берегу Средиземнаго моря».

— **Бракоразводный процесъ.** Изъ Рима пишутъ, отъ 19-го іюня, въ «Кёльнскую газету»: «Гарибальди поселился, какъ теперь оказывается, въ Римѣ, чтобъ завести процесъ съ законною женою своею и добиться признанія этого брака недѣйствительнымъ. Онъ состоялся, какъ извѣстно, при весьма оригинальныхъ обстоятельствахъ. Во время побѣдоноснаго шествія его въ 1860 году, въ лагерь его пріѣхала одна дама и такъ упорно принялась увѣрять его въ своей любви, что онъ, наконецъ, женился на ней. Но послѣ вѣнца она сказала ему: «Все это была комедія, я заботилась не о васъ, а только о своихъ собственныхъ интересахъ. Одинъ изъ вашихъ адъютантовъ соблазнилъ меня, мнѣ нуженъ былъ мужъ для спасенія моей чести и теперь я съ вами не хочу больше имѣть никакого дѣла». Удивленному генералу ничего другого не осталось, какъ разъѣхаться съ нею. Теперь же онъ хочетъ постараться и совсѣмъ избавиться отъ этой слишкомъ рѣшительной особы».

— **Убійство изъ ревности.** «Од. Вѣст.» пишетъ о слѣдующемъ трагическомъ случаѣ въ г. Филиппополѣ, бывшемъ въ концѣ прошлаго мая. Въ этомъ городѣ одну изъ гостинницъ «Люксембургъ» содержитъ итальянецъ, у котораго жила красивая француженка. За послѣднею многіе ухаживали и въ числѣ ихъ гвардейскій штабъ-ротмистръ Кобылинскій. Однажды, когда г. Кобылинскій выходитъ изъ комнаты француженки, итальянецъ, который ихъ подстерегъ, нанесъ ему сзади въ шею ударъ кинжаломъ. Кинжалъ, пройдя горло, вышелъ у подбородка... Кобылинскій почти мгновенно умеръ. Тогда содержатель отеля побѣжалъ къ «невѣрной» и нанесъ ей девять ранъ, но всѣ онѣ несмертельны. Всѣ, кто зналъ г. Кобылинскаго, сожалѣютъ о немъ, какъ о хорошемъ человѣкѣ и добромъ товарищѣ.

— **Желѣзная дорога черезъ Анды.** Газета «Телеграфъ» извлекла изъ американскихъ газетъ сообщеніе о томъ, что желѣзная дорога черезъ Анды, «самое смѣлое изъ предпріятій, которыя когда либо осуществлялись», скоро будетъ окончена. На большомъ протяженіи ея уже установилось сообщеніе, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она будетъ доведена до тонеля Мейгской вершины, до котораго осталось еще тридцать верстъ; тогда она достигнетъ высоты 4,751 метровъ надъ уровнемъ океана, т. е. высоты только на 50 метровъ уступающей Монъ-Блану, высочайшей изъ европейскихъ горъ. Андская желѣзная дорога идетъ отъ Калао (въ Перу), на берегу Тихаго океана, и соединяетъ его съ Лимой; она пересѣкаетъ Анды до большой центральной плоскости, имѣющей отъ 3 до 4,000 метровъ вышины; плоскость эта раздѣляетъ цѣпи Кордильеровъ и до сихъ поръ была неприступна. Мысль о проведеніи этой дороги принадлежитъ знаменитому американскому инженеру Мейгсу, скончавшемуся въ 1877 году, имя котораго дано было одной изъ высочайшихъ Андскихъ вершинъ; онъ построилъ также желѣзную дорогу изъ Вальпарайзо въ Сантьяго (въ Чили). Дорога черезъ Анды, была предпринята при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ; приходилось прорывать шестьдесятъ одинъ тонель; дерево для постройки получалось изъ Калифорніи и Орегона, желѣзо и уголь изъ Англіи; металическіе мосты изготовлялись въ Европѣ и втаскивались на горы англійскими и французскими рабочими. Дорога постепенно возвышается отъ самаго Калао, отъ котораго высочайшій пунктъ ея находится на разстояніи 170 верстъ. Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мостовъ считается Веругосскій; онъ поддерживается двумя металическими столбами въ 77 метровъ вышиной, и состоитъ изъ брусьевъ, между которыми виднѣется глубина пропасти. Минуя Матукану, имѣющую 2,874 метровъ высоты, дорога проходитъ по живописной мѣстности, представляющей рядъ величественныхъ картинъ, и мѣстами углубляется въ мрачные гроты, образуемые сросшимися вершинами. За Сан-Матео она проходитъ по мѣсту, названному «Адскимъ мостомъ» для выраженія его дикой красоты. Въ настоящее время дорога доведена до Чиклы, откуда она будетъ спускаться до Оройи.

— **Примѣненіе телефона въ Америкѣ.** «Lumière Electrique» сообщаетъ слѣдующія любопытныя подробности объ употребленіи телефона въ Америкѣ: «Этотъ апаратъ, который многіе считаютъ за простую игрушку, непримѣнимую къ дѣлу, въ большомъ ходу въ Америкѣ. Въ Соединенныхъ штатахъ насчитываютъ до 26,000 телефоновъ Белля; въ каждомъ большомъ городѣ находится центральное бюро, изъ котораго проведены отъ телефоновъ проводники въ частные дома или въ бюро абонирующихся лицъ, въ какой бы части города они ни находились. Когда вы вздумаете бесѣдовать чрезъ телефонъ, вы приводите въ движеніе призывной звонокъ и заявляете о вашемъ желаніи; чиновникъ центральнаго бюро устраиваетъ вамъ прямое сообщеніе съ лицомъ, съ которымъ вы желаете говорить. Въ Чикаго, напримѣръ, въ центральное бюро поступаетъ въ день болѣе 8,000 такихъ требованій. Въ Бразиліи недавно устроены телефоническія сообщенія между большими плантаціями, частными владѣніями и правительственными учрежденіями. Въ Ріо-Жанейро сенатъ сообщается съ палатой депутатовъ посредствомъ телефона Гоуэра»

— **Трудная операція.** Въ Journal Officiel пишутъ изъ Филадельфіи, что недавно въ тамошнемъ зоологическомъ саду совершена была операція надъ бенгальскимъ королевскимъ тигромъ, заключавшаяся въ обрѣзаніи когтей; послѣдніе вросли въ тѣло и причиняли звѣрю сильныя страданія, которыя могли окончиться бѣшенствомъ. Одинъ укротитель львовъ взялся вылечить тигра, не смотря на то, что онъ отличался яростью и не задолго передъ тѣмъ былъ причиной смерти своего сотоварища, откусивъ ему ногу. Къ брусьямъ клѣтки были привязаны пять толстыхъ канатовъ, оканчивавшихся передвижными петлями, и веревка, посредствомъ которой петли стягивались. На звѣря накинули веревки и привязали его къ клѣткѣ; онъ довольно терпѣливо переносилъ приготовленія, но когда ему связали переднія ноги, онъ сталъ неистово биться и ревѣть. Операторъ, нисколько не смущаясь этимъ, вошелъ въ клѣтку и связалъ ему заднія ноги; затѣмъ онъ приступилъ къ дѣлу, обрѣзалъ ему всѣ когти, присыпалъ раны квасцами и полилъ ихъ терпентиномъ. Операція переднихъ ногъ представляла больше трудности, по близости оператора къ ужасной пасти звѣря. Когда все было кончено, по условному знаку сняты были разомъ всѣ веревки, тигръ быстро поднялся, и по его походкѣ видно было, что онъ получилъ облегченіе. Операція длилась двадцать минутъ. Но такъ какъ когти будутъ, вѣроятно, рости неправильно, то потребуется вторичная операція.

— **И стальнымъ перомъ можно отравиться.** Въ газетѣ «Germania» пишутъ: «На-дняхъ умеръ въ Пухкирхенѣ пасторъ тамошняго прихода, Францъ Моцъ, и смерть его сопровождалась такими обстоятельствами, которыя необходимо предать гласности. Онъ имѣлъ обыкновеніе ставить въ своемъ письменномъ приборѣ стальныя перья остріемъ вверхъ. Недавно, желая взять со своего письменнаго стола книгу, онъ нечаянно укололъ себѣ руку ржавымъ стальнымъ перомъ, торчавшимъ кверху остріемъ. Въ первую минуту онъ даже почти не замѣтилъ укола, но къ вечеру рука разболѣлась. На другой день ему стало до того не хорошо, что онъ слегъ въ постель; призванный врачъ нашелъ въ крови признаки отравленія. На третій день рука страшно распухла до самого плеча и послѣ восьмидневныхъ жестокихъ страданій, несчастный скончался».

— **Женщины и собачки.** Около 200 дамъ, мужья которыхъ занимаютъ въ Вѣнѣ общественныя должности, или принадлежатъ вообще къ привилегированному сословію, обратились въ думу съ просьбою распорядиться объ устройствѣ на конно-желѣзныхъ дорогахъ особыхъ стойлъ съ рѣшетками для карманныхъ собачекъ, такъ какъ во время переѣзда ихъ не позволяется держать на колѣняхъ. Дума обратилась къ полиціи за содѣйствіемъ, и кончилось тѣмъ, что послѣ долгихъ разговоровъ и колебаній, дума постановила: устроить при омнибусахъ конно-желѣзной дороги особыя, рѣшетками обнесенныя стойла для собачекъ, безъ которыхъ, какъ видно, не могутъ обойдтись просительницы. За то омнибусы эти будутъ называться «собачьими», сколько бы тамъ ни сидѣло дамъ.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 26-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 30-го іюня въ 6 часовъ 20 минутъ, на иногороднюю почту 1-го іюля въ 12 часовъ дня.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель Н. И. Шульгинъ.
Редакторъ Д. А. Карчъ-Карчевскій.

При этомъ нумерѣ «Живоп. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Парижскія Моды», Іюль.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 6 Іюля 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., № 12.)